ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Горнолыжники на леднике Башкара, близ Эльбруса.
Фото А. Сидоренко.

На первой странице обложки: А. и С. Ткачевы. Подруги.

Выставка произведений художников РСФСР.

На последней странице обложки: Ленинградский метрополитен имени В. И. Ленина. На станции «Автово». Колонны облицованы художественным стеклом. Архитекторы — Е. А. Левинсон, А. А. Грушке.
Фото Я. Рюмкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 52 (1489) 25 ДЕКАБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

21 декабря Москва встречала Председателя Совета Министров СССР Николая Александровича Булганина и Члена Президиума Верховного Совета СССР Никиту Сергеевича Хрущева, возвратившихся из поездки по Индии, Бирме и Афганистану. Тысячи москвичей собрались на Центральном аэродроме и десятки тысяч вышли на улицы Москвы приветствовать Николая Александровича Булганина и Никиту Сергеевича Хрущева, внесших огромный вклад в дело укрепления дружбы со странами зарубежного Востока, укрепления мира во всем мире. Советский народ горячо одобряет итоги исторической поездки руководителей Советского государства.

Фото А. Новикова.

Король Афганистана Мухаммед Захир-шах устроил прием в честь советских гостей. За столом: Н. А. Булганин, Мухаммед Захир-шах и Н. С. Хрущев.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев в Афганистане

После поездки по Индии и Бирме Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев прибыли в столицу Афганистана Кабул. 18 декабря там состоялось подписание Совместного Заявления Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, Члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева и Премьер-Министра Афганистана Мухаммеда Дауда. «Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Королевское правительство Афганистана,— говорится в Заявлении,— решили расширять дружественные политические, экономические и культурные связи между двумя странами, в чем заинтересованы оба государства».

Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и Мухаммед Дауд после подписания Совместного Заявления.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев посетили Кабульское военное училище, расположенное на восточной окраине города, в районе старинной крепости Бала-Гисар.

В честь советских гостей в Кабуле, на спортивном стадионе Гази, состоялись традиционные конноспортивные состязания. На снимке: Н. А. Булганин вручает приз победителю соревнований.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

↓ На строительстве хлебокомбината в Кабуле. Этот комбинат строится при участии советских специалистов.

ВО ИМЯ МИРА

В 76-ю годовщину со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина опубликовано Постановление Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами».

Все честные люди приветствуют в эти дни новых лауреатов международной Сталинской премии: бывшего президента Мексики Ласаро Карденаса, общественного деятеля Сирии Шейха Мухаммеда аль-Ашмара, бывшего рейхсканцлера Германии Иозефа Вирта, председателя Национального комитета Отечественного фронта Вьетнама Тон Дык Тханга, деятеля искусств Японии Акико Сэки и норвежского пастора Рагнара Форбекка.

Все честные и свободолюбивые люди земного шара радуются новому расцвету движения в защиту мира, когда народы всех стран и континентов становятся еще теснее плечом к плечу в борьбе за счастье человечества.

Ласаро Карденас, бывший президент Мексики.

Шейх Мухаммед аль-Ашмар, общественный деятель Сирии.

Иозеф Вирт, бывший рейхсканцлер Германии (Германская Федеральная Республика).

Тон Дык Тханг, председатель Национального комитета Отечественного фронта Вьетнама.

Акико Сэки, деятель искусств Японии.

Рагнар Форбекк, пастор, капеллан собора города Осло. Норвегия.

Петр Степанович Тамаровский (третий слева) с друзьями-колхозниками поздравляет Лиду с окончанием сельскохозяйственного института. Снимок 1948 года.

НАСЛЕДНИЦА

Лидия Петровна Тамаровская — председатель колхоза имени П. С. Тамаровского.

Фото Г. Санько.

Георгий РАДОВ

Пять вооруженных мужчин подошли к берегу пустынного лимана. Старший — сухощавый, лобастый, с крохотными усиками — указал на полуразрушенное строение, остатки помещичьей экономии, и спросил:

— Ну, як воно тут? Подходяще?

Так над соленым лиманом неподалеку от Ахтарей родилась коммуна «Красный боец» — один из первых островков колхозного движения на Кубани.

А шел двадцать первый год... Вокруг гуляли банды. Но из Брыньковской, Ольгинской, Приморско-Ахтарской, из ближних и дальних станиц и хуторов к пятерым основателям коммуны двинули новобранцы. Шли налегке. Являлся молодец в порванной свитке, с заплатами на коленях, в обмотках, и председатель Петр Степанович Тамаровский, тот самый, что спрашивал: «Як воно тут?», — диктовал оторопевшему счетоводу:

— А ну записывай коммунара! Шо? Який у него паевой взнос? Кгм,— оглядывал он хлопца,— який же у батрака может быть взнос? Пиши так: паевой взнос — руки.

В двадцать четвертом году коммуна получила первый трактор, к началу сплошной коллективизации здесь уже отстроился городок, и зашумела о «Красном бойце» громкая слава.

Мне выпало счастье видеть Петра Тамаровского в середине тридцатых годов, на совещании в Ростове. Председатель только что явился со второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников. Подвижный, веселый, с хитрецой в холодноватых серых глазах, он говорил с дружками-председателями, а сам все поглядывал за окно: там звенела капелью весна. Потом из газет можно было узнать о каждом шаге «Красного бойца» и его председателя: построили школу, соорудили кирпичный завод... И после войны так: первыми на Кубани восстановили хозяйство, забогатели, при стечении сотен гостей отпраздновали двадцатипятилетие... И уже наехали кинооператоры, чтобы снимать фильм о колхозе-миллионере; и он был отснят, этот фильм, только вы не увидите в нем основателя колхоза. Апрельским утром сорок восьмого года Петр Тамаровский на ходу рухнул со ступенек с остановившимся сердцем...

А на другой день было объявлено: «Красный боец» переименовывается в колхоз имени Тамаровского.

И все. Отгремела слава лучшего колхоза Кубани. И дошло до того, что в районной газете порой можно было встретить неожиданные строчки: «Колхоз имени Тамаровского отстает... срывает... не выполняет...»

А мне как раз пришлось побывать в старейших колхозах Юга: в «Коммунистическом маяке» у А. В. Чухно, в «Пролетарской воле» у С. В. Луценко. Ветераны эти — ровесники «Красного бойца» — гремели, задавали тон. И с болью думалось: да неужели старый «Красный боец» навсегда выпал из славной шеренги?

...Зима пятьдесят пятого года. В краснодарском театре идет совещание. Сидят пожилые, солидные председатели кубанских колхозов. Председатель крайисполкома объявляет притихшему залу:

— Слово предоставляется председателю колхоза имени Тамаровского Лидии Петровне Тамаровской.

И гул проносится по залу, и сотни взглядов устремляются к молодой крупной светловолосой женщине, что торопливо шагает к трибуне. И мой сосед А. Ф. Пернакий, один из старейших председателей, шепчет ласково:

— Ишь ты, дочка...

— Наследница! — роняет кто-то.— А ну послухаем... Батько тут ого как выступал!.. Что она скажет?

А с трибуны уже звучит уверенное:

— По надою молока наш колхоз занял пятое место в крае, но знайте, что это не устраивает нас, товарищи...

...В детстве она пережила страшную травму. Резвилась в лимане, ныряла, ловила на дне бычков, и окунь, пронесшись мимо, черкнул костяным шипом по ее открытым глазам. Она все-таки поймала разбойника, вынырнула, но не увидела света. Полгода полной слепоты! А в октябрьский праздник Лида спала на балконе и вдруг грянул оркестр — вот оно, предсказанное профессором потрясение,— мгновенно она увидела небо и флаги над головой... Но еще долго лежала. И, может, потому Лида казалась старше товарок: серьезная, мечтательная, замкнутая,— подружки звали ее «тургеневской барышней». Собиралась «барышня» в медицинский институт, рассчитывала навсегда перебраться в город. Но в ее планы властно вмешался отец. Это было удивительно, Петр Степанович вовсе не неволил младших дочерей: учитесь, где хотите,— а старшей объявил грубовато и категорично:

— Глупости — твоя медицина! Хватит и без тебя докторов. В город? Все вы в город. А тут кто? Хома неписьменный? Нияких балачек! Езжай в агрономический. Не любишь? Полюбишь! Вот-вот, возвернешься до дому, тут будешь жить. Поняла?

Почему он так настаивал? Может, разглядел в «барышне» то, что тогда не примечали другие,— крутой характерец, так нужный земледельцу? А он был, был, этот характерец!.. Поехала все-таки в нелюбимый институт, но тотчас же тайком от домашних поступила еще и в заочный финансово-экономический. Нате вам! Не врачом, так финансистом, а агрономом не буду. Не выйдет по-вашему! И тянула два института и, крадучись, ездила в Москву на сессии заочников и денег не просила на поездку: приезжала сдавать экзамены — поступала уборщицей...

Теперь она с усмешкой вспоминает этот бунт и никак не может объяснить, почему тогда не взлюбила агрономию. А может, и взлюбила, да упрямилась?

Сердце доброе — сколько лиха принесла ей потом эта доброта,— а тронешь его неосторожно, ожесточится, чего не наделает...

Нет, она стала агрономом и полюбила землю — прав был отец,— но уехала не домой, а в Сочи: вышла замуж за сочинского. И лишь в пятидесятом году, пережив смерть отца, матери и тяжелый семейный разрыв, с годовалым сынишкой, пришибленная горестями, явилась в новый, отстроенный колхозниками уже после смерти отца, но начисто осиротевший и словно бы ненужный теперь собственный дом.

Но что случилось с колхозом? Петровна, понемногу отвлекаясь от своих личных бед, ходила по хутору и не узнавала его. Как же тут все переменилось! Где порядок, который насаждался отцом? Где трезвость? И ведь не пришлые, не чужие люди приняли хозяйство из рук отца. За председательский стол сел многолетний его заместитель. Каким он, кажется, был при отце тихим, исполнительным, воды не замутит. А взял вожжи — и развернулся в другую сторону. Да как! Словно бы наверстать хотел то, что боязно было творить при беспощадном Тамаровском. Подались кладовые, затрещала колхозная касса, «зашумел камыш», и рекой полилось колхозное вино, защеголяли в обновках ненареченные председательские жены... А в районе делали вид, что ничего не примечают...

Петровна работала агрономом. И ах, как бы, кажется, было красиво, следуя розовым традициям, описать, что вот-де молодая женщина, выпускница института, не нюхавшая ни «пороха» борьбы,

ни служебных тягот, что она одна, без поддержки, в два счета одолела заматеревших губителей колхозного дела, в одну первую весну все перевернула на хуторе и бодрым шагом вывела отстающий колхоз на первое место!.. Нет, не так оно было! Лидия Петровна Тамаровская за два первых года своей агрономической службы только и успела навести порядок, что на земле, но победы над врагами и разорителями колхоза не одержала и бежала с передовой. Ушла в учительницы, тут же, на хуторе... Зачем? А чтобы освободить место другому: может, он появится — старший, смелый, опытный, а она подсобит... И почти год преподавала хуторским ребятам ботанику и химию, вечерами хлопотала в клубе, а ночами, оставшись в пустом доме, плакала, совестясь перед покойным отцом. Рушится дело всей его жизни, а она?.. И утрами, спеша через парк на занятия, отводила глаза от памятника отцу, не в силах глянуть в его строгое каменное лицо...

Так подошел сентябрь пятьдесят третьего года. По зову партии тысячи горожан двинулись в село. И настал день, когда созрело решение: идти в райком, вновь проситься на землю. Но люди опередили ее. Сошлось в клубе разгневанное собрание, с треском, с грохотом вытряхнуло разгулявшегося председателя из кресла, и тотчас же зашумели женские голоса:

— Тамаровчиху!

— Просим, Лида Петровна!

— Ох, молодая она еще!..

— Зато честная!..

— Пособим!

— По-со-бим! — подхватил зал.

Наутро осунувшаяся за ночь раздумья Петровна вошла в кабинет, открыла ящики стола, велела уборщице выкинуть пустые бутылки и заплесневевший «закус» — трофеи старого председателя — и спросила:

— Ну как, получится у нас?

— Наверно, получится,— неуверенно сказала уборщица и ругнулась, глядя на пустые бутылки: — Ох и нашкодили, клятые!

Да, нашкодили... И ведь никто из них не уехал, все остались на хуторе. И надо было знать, что за спиной у тебя ткут сплетни, что тебя честят и обливают грязью, знать и делать вид, что это тебя не трогает. Но еще трудней было ставить на место своих помощников — людей порядочных, не распустившихся. При отце они держались. Человечнейший, внимательный к людской нужде, он был резок, крут, гневен и не прощал никому даже копеечных промахов. Он был портовый грузчик, ни одного дня не ходил в школу и не очень-то придерживался этикета. Он побил, да пребольно побил родного брата, и не в драке, а за упущение в колхозных делах. Стекла дрожали в правлении, когда он разговаривал с виноватыми. Его все любили за справедливость и как же боялись меча этой жесточайшей справедливости! Что ж, и ей так наводить порядок: кричать, стучать кулаками?

Ей не нужно было учиться честности и справедливости — она выросла в суровой семье коммунаров. Отец презирал собственность и лишь на двадцать восьмом году председательства затеял свой дом. И он за всю жизнь не взял ни грамма неположенного. Такою и она выросла. Но строгость... Где ей взять строгости? Терпеливо она учила людей порядку... Не курить на собрании, не опаздывать, не разводить «дебатов» до третьих петухов... Что? При отце тоже «дебатировали»? Ну, мало ли что! То было другое время. И не давать поблажки кумам-сватам. Они сидели перед ней, настороженно-сердитые правленцы, соратники отца, люди, которые нянчили ее в дни семейных праздников, и им-то она должна была говорить жестокие слова. И звать в кабинет родного дядю и, сдерживая гнев, сжав под столом кулаки, уговаривать: «Распроклятое вино... Аккуратней, а то выгоню!..»

В горькие минуты она припоминала: а как руководил отец? Сильный человек, он не очень-то рассчитывал на ум и подсказки помощников. Говаривал про них: «Рукатые хлопцы»,— и, кажется, ни разу не назвал «головатыми». И вот приучил помощников ждать готовую команду. Так что ж, и ей взять все в один кулак? И однажды не сдержалась, выпрямилась, рослая, гневная. «До каких пор это будет? Ты бросишь водку, несчастный пьянюга? А ты перестанешь тянуть колхозное? Выбрали бабу и радуетесь? А что вы мне говорили? Командуй по-отцовски? Так вот вам по-отцовски: этого снять, этого оштрафовать, этому неделю сроку...»

Потом ночью казнилась, тревожилась и нарочно пораньше выехала,— глянуть на людей. Что они? Понравилось им, что председательша показала коготки?

Подошел дед Верещака, старейший коммунар, расправил усы, поднял крупный кулак:

— Вот так их возьми, Петровна! Поняла? А то ты слабенько.

— Я слабенько?

— Народ строгость любит,— солидно сказал Верещака и добавил, словно поправляя самого себя: — Не грубость, а строгость.

Нет, она все-таки не стала копировать отца, да и вряд ли бы это получилось... Начала по-другому. Как? А вот так. «Ты бригадир, так будь ласка, дружок, командуй... Без тебя я соломинки не трону в твоей бригаде. Ты звеньевая, так будь хозяйкой, дорогая, не ожидай бригадирского стука в окошко, сама иди за нарядом, думай над землей».

Э, куда легче приучить людей к повиновению, чем к самостоятельности! Отец, бывало, выходил к людям с готовым планом, зачитывал его, спрашивал: «Суперечь нема?» И «суперечь», как правило, не случалось. Она вышла к людям посоветоваться: давайте думать вместе. Были смешки, улыбочки: «Еще новости — планировать в звене. Зачем правление, агрономы?» Но она была настойчива, и впервые план и смета были сверстаны по заявкам звеньев, бригад, садоводов, огородников, доярок, свинарок, и уже с этой сообща обдуманной цифрой она вышла к собранию. И нормы — острейший вопрос, задевающий всех за живое, нормы, которые обычно творились авторитетом Петра Степановича и лишь «оформлялись через демократию»,— нормы впервые пересматривались в звеньях, бригадах. Там спорили, а потом сообща утверждали. И так родились новые, жесткие правила распорядка и новый порядок оплаты: второй год колхозники получают деньги на трудодень ежемесячно...

И в этих общих думах смелеют, поднимают голову помощники: и бригадиры Григорий Семика, и Илья Клименко, и животновод Степан Глухович, и звеньевые... Оттесняя косных, неграмотных, распустившихся, подбирается вокруг председателя новый актив. Она перечисляет их, верных помощников, единомышленников: Раиса Мешкова, Мария Притыка, Зоя Панара, Анна Глухович, Вера Кузнецова, Агафья Онищенко, Наталья Кравченко, Никон Гриценко, Анна Дудик. И все беспокоится:

— А деда Кульбашного записали? А деда Черного? А Ковалева? А Рыбакова? А Слюсаря? А Василия Фемику? Ну, как же, механик, светлая голова...

Но как вести колхоз? По чему равняться? Было так: колхозники ценят свою артель по тому, что они от нее получают, а районная власть — по тому, как колхоз проводит кампании. Не было другой мерки. Но вот она появилась, другая мерка, новый счет — на сто гектаров земли, счет строгий, неласковый, и с ним-то и столкнулась молодого председателя жизнь.

Первый год был тяжелый. Приазовье — издавна суховейный край, а тут засуха разъярилась так, словно бы хотела испытать новичков, явившихся в колхозы. Выгорели хлеба. И зеленя не радовали: снова пшеницу бросили в сухую, глыбистую землю, слабые росточки еле показывались из окаменевших глыб. Колхоз выдал на трудодень меньше хлеба, чем в прошлом году, и на будущее как будто не намечалось просвета... И тут Лидия Тамаровская услыхала за спиной едкое словцо: «неразворотлива». Она неразворотлива? Она? Да не она ли,— благо, что, кроме заботы о сыне, нет других семейных занятий,— не она ли все минуты, все думы отдавала колхозу? И есть результат! В первый год ее хозяйствования, трудный год, колхоз получил со ста гектаров земли втрое больше молока и мяса, чем получал в лучшие годы при жизни отца... За что же на нее косятся? Вдвое меньше выдала денег, чем выдавал отец в сорок седьмом году? Но почему? Ах, вот оно что... Деньги! Деньги текли при отце густой струей. Но откуда? Хозяйство-то было слабее! Второй послевоенный год... И молока, и мяса, и шерсти, и зерна — всего получили меньше, а денег? Денег больше!

Осторожно, боясь оскорбить память отца, она прикинула... Двухмиллионный доход, а из них более полутора миллионов рублей с рынка... За что? Ага, пользуясь тем, что была засуха, двинули фураж и запасное зерно на базар... Двинули и озолотились. Так не этого ли и от нее ждут люди?

Она прислушалась. Заходили всякие советчики. Кто с делом. А кто явится, потупит глаза и словно бы невзначай уронит: вон, кукурузу сеют на севере, видно, там недохватка семян,— не толкнуть ли нам, Петровна, фуражную кукурузу в Вологду по базарной цене? А свиней? Свиней распродать, до октября далеко, план по хвостам натянем... И к чему кормить столько скота? А то, может, в Донбасс кинем машину, торганем? И что ты бьешься, Петровна, с этим шифером, лесом, трубами?.. Ездишь в район, в край — когда выпросишь? А ты двинь-ка бочонок вина, есть же ловкие люди. Эх, если б ты поразворотливей!..

Соблазны, соблазны... И близкие помощники — и они привычно поглядывали на легкий путь базарных удач... Что там удои, когда еще они дадут доход? А тут одна ловкая операция — и живая копейка! Она спокойно, не жалея терпения, объясняла: базарными фокусами страну не накормишь... И не прибавится добра в государстве, если мы ловко торганем кукурузой... Не та сейчас мерка! Со ста гектаров взять больше! А воротившись домой, раскрывала дела отца, его грамоты, дипломы, речи — задумывалась. Как бы ты поступил, батько? Ну, конечно же, не спекулятивным рублем ты построил колхоз. Двигал вперед и урожаи, и удои, вводил новшества. Так почему же в трудные годы и ты не брезговал фокусами? И как это уживалось в тебе: большевистская прямота и купеческая изворотливость? «Старой формации» председатель? Ну, так что ж, и ей — молодой, председателю «новой формации», агроному,— и ей учиться нагонять рубль на гривенник?

Нет, наверное, был бы жив Петр Тамаровский — и он бы, почуяв зов времени, повернул колхоз на главную дорогу, повернул бы так, как он, пользуясь двадцатисемилетним авторитетом, умел это делать,— круто, резко. Но у нее-то не было этого авторитета. А соблазны сбивали людей с толку. И все-таки она выдержала! Сказался характер, сказалось и то, что она была не одна. Окреп-

Памятник Петру Степановичу Тамаровскому.

ло руководство района, по-государственному взглянуло на колхозы. И коммунисты поддержали своего председателя. И когда слышалось: «Зачем столько кукурузы... Ой, лышенько, свиней-то, свиней, они же нас съедят... Лучше корм на трудодни дайте... А к чему еще виноград? Трудодни разгонять? Хватит с нас вина... Распродайте его умненько — то же и выйдет... И до каких пор строиться? Расходы! Строим, плодим, сеем, а все пятерка на трудодень. А было восемь!»,— когда слышалось такое, коммунисты в ответ говорили: «Погодите, дружки! Восьми рублей мы еще, по чести, не заработали. И не на базаре наши миллионы, а тут — на фермах, в саду, в поле. Поняли?»

Колхоз вышел на главную дорогу... Подобрали отменных доярок. Рядом с знаменитой Верой Ивановной Огиенко встала молодая Раиса Кононова. На свиноферме, там, где когда-то трудилась соратница отца коммунистка Мария Ивановна Притыка, появилась другая Мария Притыка, дочь погибшей в войну коммунистки. Трудолюбивая, веселая, она в два года стала одной из лучших свинарок края, вступила в партию. А с ней вместе росли сестры Калиниченко. И еще подъехала зоотехник В. Печеникина, горожанка, выпускница института, поступила в колхоз. И председатель, и коммунисты, и правленцы, и бригадиры, и доярки, и свинарки весь год, не отвлекаясь, изо дня в день бились над одним: молоко, мясо, шерсть... молоко, мясо, шерсть...

И вот он окончен, второй год. Нелегкий год. Снова была засуха, не повезло с пшеницей. Но счетовод, не горюя, бросает косточки, подбивает итог. За год подняли удой на восемьсот литров. А всего? Что ж, всего молока получили вдвое больше, чем два года тому назад, и вчетверо больше, чем в последний год жизни П. С. Тамаровского. И мяса, и шерсти, и яиц — всего больше. А денег? И денег, наконец, взяли больше, чем в сорок седьмом году,— два с лишним миллиона! И это уже не «дурные» деньги, не от случайной рыночной удачи, «конкютуры», как сказал мне один старик... Нет, какая уж тут «конкютура»: деньги-то от «существа»: от молока, мяса, хлеба, винограда, фруктов, овощей. По государственной, по твердой цене.

Л. П. Тамаровская готовится к докладу, листает отчеты, говорит задумчиво:

— Да, немного поспорили с батькой. Ну что ж, он бы не осудил.

...И вот ее оценил народ, и все приметили, что́ в ней от отца, а что́ от себя и от того нового времени, которое ее взрастило. Говоришь со стариками, на фермах толкуешь с женщинами, словно бы ненароком спросишь о ней, идя по хутору, у случайного спутника,— замечаешь, что люди в общем составили довольно полное суждение о своем председателе.

— Ох, колготная!—говорил мне один старый коммунар.— Степанович покойный, тот, бывало, в ночь-полночь, в ночь-полночь... И эта такая. И на одной зорьке и на другой... Будильница! А мы ж было перепугались. Явилась на хутор, смотрим: туфельки, шляпка, губы крашеные... Э, думаем, не той закваски председатель. А оно, оказалось, ошибочка у нас вышла.

И очень доволен, что «вышла ошибочка».

А доярка, вытирая передником руки, все морщила лоб, не могла найти точного слова для оценки:

— Вот, как бы сказать, до людей она... Ну, как бы это лучше сказать... Поясняет все людям! Грамотная же... Приедет и поясняет, поясняет. А это ж дорого, когда тебе без крику все пояснят.

И еще: зорко видят люди и то, чего пока не свершила она, в чем не преуспела, что ей и по сию пору трудно:

— Нема первого помощника! Ну как же это без правой руки? Тут и район недоглядел. Подослали б ей хозяйственного мужика для опоры. А у нас некого ставить. Всех перешерстили — не найдем готового. Были хорошие, так разлетелись: кто в МТС, кто в город. И вот — нема заместителя. Ездила на выставку, так они без нее виноград не закрыли... На что похоже? А может, она молодых двигать опасается? То зря. То ей заметочка.

И еще и еще есть «заметочки». Приглянулась она людям, и поэтому строги они к ней, критикуют, спрашивают.

А сама она, говоря о минувшем годе, качает головой:

— Мало ездили! Никуда не годится...

Объясняет: время-то вон какое... Ездят люди, учатся друг у дружки, не стесняются — летят за опытом в другие страны. А они съездили в брюховецкий колхоз, были на выставке... Мало! Надо было в Ставрополье: там свинооткорм, птицефабрики, тонкорунные овцы...

— Ну ничего, зимой поездим!

И озабоченно говорит о том, что их колхозу особенно нужны новшества. Земли немного. Не укрупняли их, не с руки было, и теперь колхоз меньше соседних. Но это же минус! У соседей — размах. На одном проиграют — на другом выиграют. А им-то ни на чем нельзя проигрывать — гектары считанные. Где же выход?

— Интенсивное хозяйство,—обдуманно говорит она.

Да, интенсивное. Особо ценные полевые культуры, породистый скот, виноградники, может быть, овощное семеноводство. И новшества, новшества...

— Вот видите,—вздыхает она,— сколько думать! Все впереди...

И сердится: нет еще настоящего содружества с механизаторами. Директор МТС — странный человек — пишет и пишет приказы. 500 приказов в году, а дело — ни на шаг!

Она торопится. Назначила беседу с доярками, надо спешить. Выходим на крыльцо правления. Впереди парк, насаженный еще при отце, по правую руку темные воды лимана. Рядом с правлением кирпичные дома — клуб, квартиры колхозников. А дальше хаты, хаты, улицы...

— Наследница? — улыбается она.— Это от слова «наследство». На готовое, значит?

Задумывается:

— Да, на готовое... Это все тогда выстроили, при батьке. Нам еще строить!

Потом она рассказывает о матери: скромная, малограмотная женщина, она на лодчонке переправилась через бурное Азовское море, выручила из вражеского плена раненого жениха Петра Тамаровского и его дружка-партизана, вывезла их в безопасное место, выходила.

— Такая была мама.

Отец был член райкома, депутат Верховного Совета. И ее, Петровну, выбрали в райком и краевой Совет. Наследница? Да, но заботы... Надо вот ехать в соседнюю станицу, разбирать жалобу, наставлять тамошнего председателя. А он ровесник покойного отца, его приятель...

Подкатывает вездеход, и шофер, возивший еще отца, распахивает дверцу:

— Куда, Петровна?

Она счищает хворостиной липкую грязь с высоких резиновых сапог, садится в машину.

— К людям, Федорович!

Искусство братского народа

Заканчивается декада латышской литературы и искусства в Москве, полная радостных встреч и впечатлений. Москвичи впервые услышали оперу «К новому берегу», интересное, волнующее произведение композитора М. Зариня, познакомились с богатой и разнообразной галереей сценических образов, созданных замечательными мастерами латышской сцены, встретились с авторами давно полюбившихся им книг, посетили выставку работ художников Латвии. В кинотеатрах шли фильмы Рижской киностудии, в цирке выступали латышские артисты, в концертных залах — симфонический оркестр , этнографический коллектив, народный хор, камерный ансамбль.

Около полутора тысяч актеров, музыкантов, участников художественной самодеятельности продемонстрировали столице свое замечательное творчество.

На снимке: в Колонном зале Дома союзов. Выступление Государственного хора Латвийской ССР и симфонического оркестра под управлением народного артиста ЛССР Л. Вигнера.

Фото С. Кропивницкого (ТАСС).

Орден Ленина Ленинградскому метрострою

Ярким светом хрустальных люстр сверкает Таврический дворец. Сюда пришли те, кто проектировал и строил ленинградскую подземную дорогу, и те, кто оснащал ее первоклассной техникой. В этот вечер Ленинградскому метрострою вручался орден Ленина. Высшую правительственную награду вручал приехавший из Москвы Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов.

В тот же вечер получили правительственные награды — ордена и медали Советского Союза — свыше тысячи строителей, работников промышленности, партийных, комсомольских и советских организаций. Многие награды вручал лично К. Е. Ворошилов.

К. КОНСТАНТИНОВ

На снимке: К. Е. Ворошилов вручает орден Ленина штукатуру строительства № 19 А. Е. Ушаковой.

Фото А. Михайлова.

«РОСТСЕЛЬМАШУ» 25 ЛЕТ

«Сельмашстрой», «Сельмаш», «Ростсельмаш»... Кто не знает этих названий Ростовского-на-Дону завода сельскохозяйственного машиностроения! Машины с маркой «Ростсельмаша» широко известны не только в нашей стране, но и за ее пределами: в Китае, Болгарии, Румынии и в других странах народной демократии. На днях завод получил задание изготовить и отгрузить несколько десятков комбайнов для Индии.

Старой гвардией называют на заводе тех, кто строил его, кто двадцать пять лет назад стоял у колыбели первых машин.

Слесарь Скиба работает на заводе четверть века. Он помогал монтажникам устанавливать станки в кузнечно-прессовом цехе, осваивал производство первых машин. За 25 лет он «вывел в люди» немало новичков. Многие его ученики уже давно работают мастерами, руководят участками и всегда с благодарностью вспоминают своего первого наставника. Таких, как Скиба, на «Ростсельмаше» насчитывается свыше тысячи человек.

Начальником литейного цеха серого чугуна работает бывший формовщик Родион Дианов. Его друзья по формовке Георгий Линников и Александр Рудников руководят бригадами и участками в цехе ковкого чугуна. Среди начальников цехов и мастеров много бывших кузнецов, слесарей, фрезеровщиков, токарей. Биография каждого из них — частица истории «Ростсельмаша».

И до войны и сейчас завод посещали и посещают многие иностранные делегации. В 1931 году «Ростсельмаш» посетил выдающийся деятель французского рабочего движения Поль Вайян-Кутюрье. Он ходил по цехам, беседовал с рабочими. Завод в то время только что становился на ноги. «Сельмашстрой,— писал он в газете «Юманите»,— это великий арсенал колхозов и совхозов, это рождающийся гигант».

1 января 1956 года коллектив ростсельмашевцев будет отмечать двадцатипятилетие со дня пуска завода. Созданный по воле партии, гигант советского сельскохозяйственного машиностроения сыграл огромную роль в коллективизации нашего социалистического сельского хозяйства. Вот несколько цифр, раскрывающих эту его роль. Завод дал стране свыше полутора миллионов машин, в том числе больше 185 тысяч комбайнов. В прошлом году с главного конвейера сошел стотысячный послевоенный комбайн. Чтобы выпустить сто тысяч комбайнов, потребовалось свыше семи лет, а в одном только нынешнем году их будет изготовлено около 30 тысяч. Готовясь достойно встретить XX съезд партии и свое двадцатипятилетие, коллектив завода довел выпуск комбайнов до 120 машин в сутки.

Сейчас «Ростсельмаш» выпускает комбайны «Сталинец-6». В будущем году он должен освоить выпуск новых, более производительных машин, «Сталинец-8». Созданная конструкторами завода, неоднократно проверенная в полевых условиях, эта машина получила высокую оценку механизаторов сельского хозяйства. Почти при том же весе, что и у «Сталинца-6», ее производительность в полтора раза больше, чем у старой машины. Это значит, что каждая тысяча новых заменит полторы тысячи нынешних машин. В будущем году «Ростсельмаш» наряду со старыми изготовит 10 тысяч таких новых комбайнов.

Так же как и в нынешнем году, «Ростсельмаш» будет выпускать двухрядные кукурузоуборочные комбайны. Они также разработаны конструкторами завода. П. Т. Тыркалов, один из старейших инженеров конструкторского бюро, показывает чертежи трехрядного комбайна; его производительность в полтора раза больше, чем у нынешнего. Эта машина также прошла полевые испытания, и, очевидно, скоро начнется массовое производство таких комбайнов.

В дни подготовки к XX съезду партии ростсельмашевцы обсуждали свой шестой пятилетний план. Разговор шел об огромных, неисчерпаемых резервах завода.

— Привести их в движение, выжать из техники все, что она может дать, и поставить ее на службу народному хозяйству — вот над этим мы должны работать в первую очередь,— сказал кузнец Петр Кузьмич Петров на цеховом собрании.

А. ГУСЕВ, редактор заводской газеты «Сталинец».

Двухрядные кукурузоуборочные комбайны, выпускаемые «Ростсельмашем».

Фото М. Савина.

«Актюбинск» спущен на воду

«Актюбинск» перед спуском на воду.

Этот поблескивающий свежей краской новый красавец-корабль построен скоростными методами в честь XX съезда КПСС на ленинградском судостроительном заводе. Все готово для спуска корабля на воду. Вот уже убрали боковые откосы, песочные кильблоки.

Наступают решающие минуты. Газорезчики Александр Козлов и Николай Петров разрезают носовые задержники. Несколько ярких вспышек — и металлические планки разъединяются. Рефрижератор, вздрогнув, медленно тронулся вниз по спусковой дорожке.

...Поднимаемся на борт «Актюбинска». Это крупный океанский дизельэлектроход-корабль с цельносварным корпусом. Он предназначен для скоростной транспортировки малосоленой и мороженой рыбы с дальних рыбных промыслов. Корабль оснащен мощными отечественными дизельгенераторами и гребным электродвигателем, позволяющими развивать скорость до 30 километров в час.

Нам показывают рефрижераторные трюмы. Их пять. В трюмах уложено 22 километра труб-змеевиков, по которым циркулирует охлаждающий рассол. Для охлаждения рассола установлена холодильная аммиачная установка. Она автоматически поддерживает в трюмах необходимую температуру—от нуля до минус 18 градусов. Для сохранения таких низких температур борта, палуба и днища изолированы пробковыми плитами. Интересна такая деталь: на эту изоляцию ушло 1 800 кубометров пробки.

На огромной палубе дизельэлектрохода высятся надстройки, окрашенные в белый цвет. В них размещены жилые и служебные помещения. Для команды оборудованы одноместные и двухместные каюты. Красный уголок, кают-компания отделаны ценными породами дерева.

Дизельэлектроходный рефрижератор «Актюбинск» — первый из серии подобных судов, которые строит завод по заказу Министерства рыбной промышленности. Эти корабли сооружаются по новой технологии.

К. ПЕТРОВ

За 10 тысяч плавок в кампанию!

Сколько плавок может выдержать электропечь за одну кампанию? Если бы этот вопрос задали сталеварам несколько лет назад, то цифру «80» назвали бы предельной. При температуре в 1 700 градусов стены, облицованные кирпичом, большего количества плавок не выдерживали. Приходилось останавливать печь на ремонт.

Сталевары восьмой электропечи «Уралвагонзавода» дали обязательство к XX съезду партии довести количество плавок без ремонта печи до 10 тысяч. Таких показателей в истории металлургии еще не было.

Кто же эти люди, совершившие переворот в литейном деле?

Старший мастер сталеплавильного отделения Степан Барин работает в металлургии почти двадцать лет. Сейчас он учится на третьем курсе вечернего отделения машиностроительного техникума.

В свое время Барин предложил новый способ футеровки электропечей — облицовки их стен, свода, подины. Этот способ должен был во много раз повысить стойкость футеровки. Барин предложил наваривать на внутренние стены печей слой специальной огнеупорной массы, образуемой из отходов производства, песка, битого магнезитового кирпича.

Длительное время продолжались опыты. Начальник цеха Григорий Демин, начальник сталеплавильного отделения Виктор Захезин, сталевары Сидор Корякин, Никифор Курочкин, Алексей Зеленин и многие другие специалисты и рабочие помогли новатору добиться успеха.

Четыре с половиной года применяется на заводе новый способ футеровки. Печь № 6 была остановлена на ремонт только через два с лишним года после 7 256-й плавки. А электропечь № 8 к концу декабря дала уже почти девять с половиной тысяч плавок.

Повысив стойкость печей, новаторы «Уралвагонзавода» сберегли государству более трех миллионов рублей и выплавили сверх плана тысячи тонн уральской стали.

А. ГРИГОРЬЕВ

Сегодня на Кипре

«Энозис» — это, пожалуй, самый популярный сейчас лозунг жителей Кипра — английской колонии, превращенной ныне в военную базу НАТО. Означает этот лозунг: «Союз с Грецией». Киприоты, среди которых каждые восемьдесят человек из ста — греки, продолжают упорную борьбу за свое национальное освобождение. Они требуют отмены колониального режима, предоставления им права на самоопределение с тем, чтобы полумиллионное население острова само решило вопрос о воссоединении с Грецией или о самостоятельности Кипра.

Сообщения с острова рисуют картину нарастающего освободительного движения киприотов, все чаще переходящего в открытые мощные выступления. Ни оружие и слезоточные газы английских войск, ни массовые аресты и смертные приговоры не могут остановить волну народного протеста, потрясающую остров. Европейские газеты и журналы сообщают о «непрекращающихся ни на один день нападениях вооруженных групп» на английские войска, о мощных студенческих манифестациях. Газета «Юманите», ссылаясь на агентство Рейтер, пишет о том, что группы патриотов, вооруженных ружьями, револьверами и автоматами, атакуют полицейские посты и военные учреждения во всех уголках острова.

В борьбу за освобождение включились даже школьники Кипра. Вот снимки, опубликованные в недавнем номере английского журнала «Сфир». В ответ на приказ о закрытии школ ученики вышли на улицы и забросали камнями солдат Южно-Стаффордширского полка. Многие школьники были арестованы и подвергнуты жестокому наказанию.

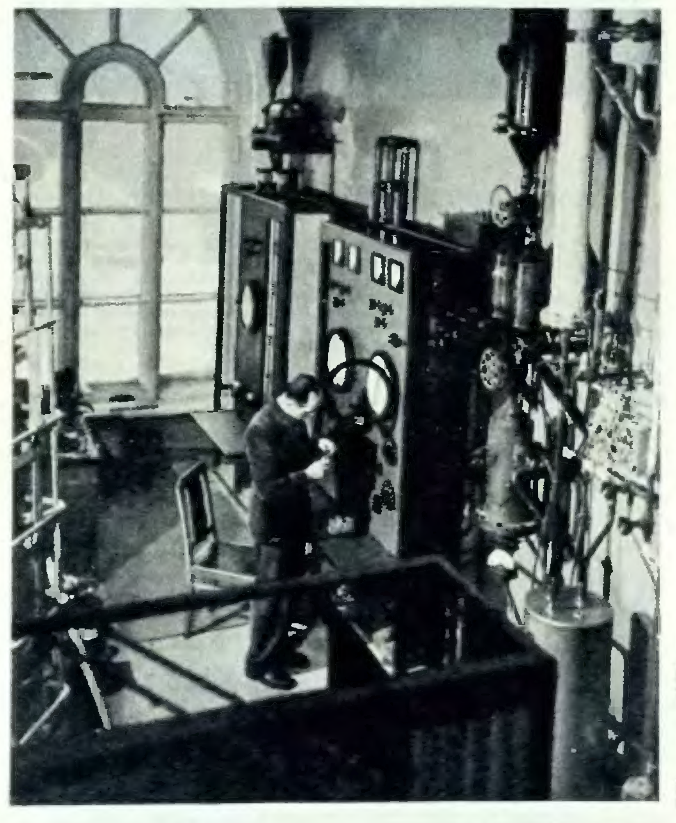
Колониальные власти делают все, чтобы сохранить свои позиции на Кипре. Фельдмаршал Хардинг ввел для 12 тысяч английских солдат на Кипре «режим военного времени». Напряжение на острове достигло предела.

С. ПЕТУХОВ

ДЛЯ ИНСТИТУТА В БОМБЕЕ

В Москве подготовлены к отправке в Индию 30 синих коленкоровых альбомов. На обложках вытиснено золотом по-русски и по-английски: «Технологический институт в Бомбее».

Недавно, осенью 1955 года, Москву и Ленинград посетили индийские ученые Сен-Гупта, Чандирамани и Келкар. Они передали просьбу Правительства Республики Индии, чтобы советские ученые помогли в организации Бомбейского технологического института. Гости тщательно знакомились с советской системой обучения. Больше всего их интересовала постановка высшего образования в СССР. Одновременно они внимательно присматривались к преподаванию в ремесленных и технических училищах, техникумах и средних школах.



Эту лабораторию процессов и аппаратов химических производств индийские ученые просили организовать в Бомбее.

Фото Р. Лихач.

Профессора Сен-Гупта, Чандирамани и Келкар побывали во многих советских вузах. При посещении вузов Москвы и Ленинграда индийские ученые интересовались в первую очередь теми специальностями, которые особенно необходимы в Индии. Ознакомившись с подготовкой инженеров в Советском Союзе, гости совместно с советскими специалистами наметили для Технологического института в Бомбее организацию трех факультетов: технологического, механического и электротехнического с шестнадцатью специальными кафедрами.

В соответствии с пожеланиями делегации Правительства Республики Индии Министерство высшего образования СССР с помощью советских ученых и проектной организации подготовило необходимые материалы.

В новом институте предполагается готовить работников химической, металлургической, целлюлозно-бумажной, радиотехнической промышленности. Наряду со специалистами по электронной технике институт будет выпускать конструкторов машин, аппаратов, станков, технологов по производству силикатных материалов, витаминов, антибиотинов, лекарственных и душистых веществ, кинофотоматериалов.

При проектировании учтен опыт лучших советских вузов: Московского высшего технического училища имени Баумана, Ленинградского технологического, московских химико - технологического, энергетического и других институтов.

Большое внимание индийская делегация уделила Московскому институту химического машиностроения, где готовятся специалисты по химическому машиностроению и автоматизации химических производств. Эти специалисты особенно важны для промышленности Индии, так как, будучи механиками, они хорошо знают и химию.

Индийская делегация просила наших специалистов учесть опыт советской высшей школы по подготовке инженеров, умеющих самостоятельно мыслить и творчески решать возникающие перед ними технические вопросы.

Наряду с подготовкой материалов по отдельным кафедрам советские проектировщики предусмотрели расположение учебных помещений и оборудования в четырех корпусах института.

Почти на одну треть новый институт будет состоять из аспирантов и станет не только первоклассным учебным заведением, но и крупным научным центром. Занятия в Бомбейском технологическом институте начнутся в 1957 году.

В. ПОЛЫНИН

Фестиваль венгерских фильмов

На экранах Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик с 19 декабря демонстрировались новые фильмы, созданные венгерской кинематографией: «День гнева», «Лилиомфи», «Будапештская весна», «Особая примета». Шли в кинотеатрах также и старые, хорошо знакомые советскому зрителю кинокартины: «В одном универмаге», «Новички на стадионе» и многие другие.

В Советский Союз на пятый фестиваль венгерских фильмов прибыла делегация деятелей венгерской кинематографии. В ее составе: режиссер К. Макк, актрисы В. Феррари и Ж. Гордон, актеры Б. Барши и Калман Латабар. Возглавляет делегацию заместитель министра культуры Д. Каллаи.

Венгерские кинематографисты встречались со зрителями, знакомились с советским искусством.

← Торжественное открытие фестиваля кинофильмов Венгерской Народной Республики в московском кинотеатре «Ударник». На снимке слева направо: народный артист СССР С. А. Герасимов, венгерские артисты Ж. Гордон и К. Латабар, чрезвычайный и полномочный посол Венгерской Народной Республики в СССР Ф. Мюнних, заместитель министра культуры СССР Н. Е. Твердохлебов.

Фото А. Новикова.

Наземный вестибюль станции «Площадь Восстания». Архитекторы И. И. Фомин, В. В. Ганкевич, Б. Н. Журавлев

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЕТРОПОЛИТЕН ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Фото Я. Рюмкина.

← Горельеф на станции «Кировский завод».

Станция «Площадь Восстания».

Станция «Кировский завод». Архитектор А. К. Андреев. →

Панно на станции «Пушкинская». Художник М. А. Энгельке. Скульптура А. С. Пушкина работы М. К. Аникушина.

Слева (сверху вниз): станция «Нарвская». Архитекторы А. В. Васильев, Д. С. Гольдгор, С. Б. Сперанский. Станция «Технологический институт». Архитекторы А. М. Соколов, А. К. Андреев.

На платформе станции «Владимирская». Архитекторы Г. И. Александров А. В. Жук, А. И. Прибульский.

Я ЕДУ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Альчиде ЧЕРВИ

Летом 1955 года в СССР гостил 80-летний итальянский крестьянин Альчиде Черви.

История Черви и его семерых сыновей известна всей прогрессивной Италии. Во время войны, когда страна была оккупирована гитлеровскими войсками, эта крестьянская семья скрывала в своем доме в селении Кампеджине (близ города Реджо Эмилия) борцов народного Сопротивления. Находили там приют и бежавшие из концентрационных лагерей пленные, среди которых были и русские. Семеро сыновей Альчиде Черви стали организаторами партизанской борьбы против захватчиков.

В конце 1943 года в Кампеджине для расправы с партизанами был направлен усиленный отряд фашистской полиции. Дом Черви окружили. Сыновья отстреливались до последнего патрона, потом вынуждены были сдаться. Всех семерых расстреляли в тюрьме Реджо Эмилии.

В прошлом году в Италии вышла книга крестьянина Альчиде Черви «Семеро моих сыновей». Эта книга, написанная кровью сердца старого крестьянина-патриота, повествует о мужестве, трудолюбии, душевной чистоте и патриотизме семи молодых итальянцев, отдавших жизнь за родину.

По возвращении Альчиде Черви из Советского Союза в итальянской печати начали публиковаться его дневники «Мое путешествие в СССР».

Ниже мы печатаем отрывки из дневников Альчиде Черви.

Семья Черви в 1937 году. Стоят (слева направо): Овидио, Диомира, Джелиндо, Альдо, Антеноре, Рина, Этторе. Сидят: Фердинандо, Альчиде Черви, его жена, Агостино.

Я исполнил все заветы моих сыновей. Осталось невыполненным одно: побывать в Советском Союзе, стране их мечты. И вот в моем доме начинаются споры, кому ехать: невесткам или Массимо, племяннику, помогавшему нам после смерти сыновей и заслужившему такую награду. А обо мне говорили соболезнующе, что деду 80 лет, у него бронхит, а в Москве холодно...

Но пришло приглашение не Массимо и не невесткам, а мне, Альчиде Черви. В Москве, конечно, знали, что мне 80 лет, но я сказал:

— Русские товарищи поступили правильно: я отец семерых сыновей, я и должен ехать!

Невестка рисовала мне всякие страхи.

— Вы ведь немолоды,— говорила она,— а если заболеете?

Тогда я предложил: пусть меня осмотрит врач и решит.

Врач ничего особенного у меня не нашел, но не позволил лететь на самолете, а посоветовал ехать поездом. Я был обрадован и в то же время огорчен: я еще никогда не летал, и очень хотелось попробовать.

С того дня я не спал ни одной ночи и сердился на то, что мне сообщили о поездке задолго до назначенного срока. Если бы это было сделано накануне, я не спал бы только одну ночь, а то несколько недель. А вдруг еще заболею? Или вдруг у меня от бессонницы произойдет инфаркт?

Говорят, что только молодые загораются, если их ждет что-либо хорошее. Нет, старики еще хуже: они пылают, как сухие дрова.

И еще говорят, чтобы дожить до 80 лет, человек должен щадить себя, не растрачивать силы. Я много страдал и не раз бывал счастлив, но ни от одного блюда, которое подносила мне жизнь, не отказывался.

Горожане утверждают, что нам, людям деревни, можно завидовать: мы ведем здоровый образ жизни и спим, как бревна. Верно, есть крестьяне, которые много спят, но есть и такие, которые бодрствуют и размышляют; есть сидящие всю жизнь в яме, а есть и готовые вылезти из ямы и бороться. Таким был и я в недавние годы. А теперь мне бы только взглянуть на Красную площадь глазами моих сыновей, постоять у стен Сталинграда, города, о котором и я и они так много слышали.

Был еще вопрос о заграничном паспорте: несколько лет назад итальянское правительство отказало мне, когда я хотел побывать в Германской Демократической Республике. Но на этот раз я бы поехал и без паспорта — пусть меня арестуют на итальянской границе, если хватит совести.

Но все обошлось благополучно. Мне предстояло отвезти в Советский Союз подарки — грамоты дружбы, модели машин, сделанные нашими рабочими, значки юношеских организаций. Я все укладывал и перекладывал их — они могли бы заполнить целый вагон.

За день до отъезда ко мне пришел Отелло Монтанари, бывший руководитель партизан из города Реджо; он должен был меня сопровождать в Советский Союз. Я почувствовал себя увереннее — не потому, что у меня теперь был спутник, а потому, что сразу решил: это я буду им руководить, ведь он еще молокосос! Я сказал его жене:

— Не беспокойся, я все время буду с ним, мне ведь хорошо известны повадки молодых!..

Я условился с Отелло так: я скажу русским товарищам, что хочу в Советском Союзе быть полезным, а не жить там даром. Вот, например, я везу товарищу Хрущеву образцы семян — он ведь в этом деле мастак.

...Мы выезжаем из Болоньи, нас провожает много людей. Железнодорожники завидуют: мы едем в Москву!

Когда мне не с кем поговорить из пассажиров, я играю с Монтанари в карты и все время вмазываю ему: я ведь очень хорошо помню, какие карты вышли... Но время от времени мне необходимо размять ноги, тогда я прогуливаюсь взад и вперед по коридору, знакомлюсь с людьми, едущими в других купе. Ночью я спал всего 2 часа, мне все хотелось поболтать с Монтанари, но как быть: он ведь молод, и ему нужно дать отдохнуть...

Летят дни... И вот — мое сердце забилось — мы на советской границе! Здесь нас ожидает русский товарищ, и снова Монтанари хочет меня заставить поспать, пока поезд будет стоять здесь 2 часа. Но я ему говорю: «У тебя только отдых на уме! Ступай в гостиницу, если хочешь, а я пойду прогуляюсь».

Разговариваю с советским товарищем, а он мне все время отвечает: «Да, да». Это, видимо, потому, что я говорю на диалекте моей деревни, а он, наверно, его не знает. Мы входим с ним в детский сад. Нас окружают дети — толстенькие и краснощекие, как зимние яблоки. Они кричат: «Вива Италия!»

Мы снова в поезде. Едем по Украине. Я вижу восстановленные заводы, новые дома там, где все было разрушено фашистами... Время идет, мы приближаемся к Москве. Я запираюсь в купе и готовлюсь. Надеваю новый костюм, который мне подарили к 80-летию товарищи. На пиджаке — семь серебряных медалей моих сыновей и золотая гарибальдийская звезда, преподнесенная мне Коммунистической партией Италии.

Ну вот, я готов!.. Завет моих сыновей! Я выполню его! В последнее время я уже немного привык к этой мысли, но теперь... Приближаясь к Москве, я снова все пережил и перечувствовал, как если бы это было вчера. Мне казалось, что мои сыновья рядом. И, может быть, никогда раньше, а именно теперь, близко от Москвы, я с такой силой не ощущал себя отцом семи братьев Черви. Я не думал об их славе, о медалях, а просто о каждом из них — об Альдо, Агостино, Фердинандо, Антеноре, Овидио, Джелиндо, о тебе, маленький Этторе...

Ваш отец в Москве! В той стране, которую ты, Альдо, всегда показывал на карте! В стране, где на безбрежных равнинах раскинулись колхозы, о которых ты, Джелиндо, мечтал и для нашей равнины По!.. Ваш отец близко от Ленина и Сталина, которые так много сказали твоему сердцу, Альдо, в тюрьме, в Гаэте!

Я приближался к Москве, и мне казалось, что вы никогда не лежали на кладбище в Кампеджине, куда я привык ходить к вам в гости... Мне показалось, что все это было сном, что вы живы, что вы спешите мне навстречу и что, сойдя с поезда в Москве, я увижу всех вас семерых, сыновей моих.

* * *

Мне казалось, что с врачами все было покончено дома. Но в Москве мне сказали, чтобы я отправился в клинику для осмотра. Досадно! Отделаться от советских медиков будет не так просто. А вдруг они что-нибудь найдут у меня, и я не смогу уставать, как мне хочется? Ведь я решил спать 2—3 часа в сутки, а все остальное время ходить и смотреть...

В клинике меня осматривает не один врач, а целых шесть профессоров — они меня расспрашивают, выслушивают. У одного одна специальность, у другого — иная. Я думаю, усмехаясь про себя: «Если у меня что-нибудь с сердцем или с бронхами, это заметят два специалиста, а остальные четверо едва ли найдут что-

В Москве.

либо серьезное. А так как здесь все строится на демократической основе, то четверо против двоих — большинство. Значит, мне разрешат делать все, что я пожелаю». Посовещавшись, врачи говорят, что у меня низкое давление, что мне не следует совершать длинные прогулки и, главное, я должен побольше есть.

Это «побольше есть» стало для меня настоящим бедствием. Советский товарищ, который меня сопровождал, получил соответствующие инструкции, и с этого дня меня не то что кормили, а прямо бомбардировали едой. Но я упрям и все-таки настоял на своем: я ел тогда, когда мне хотелось, и столько, сколько хотелось, то есть в конце концов очень много.

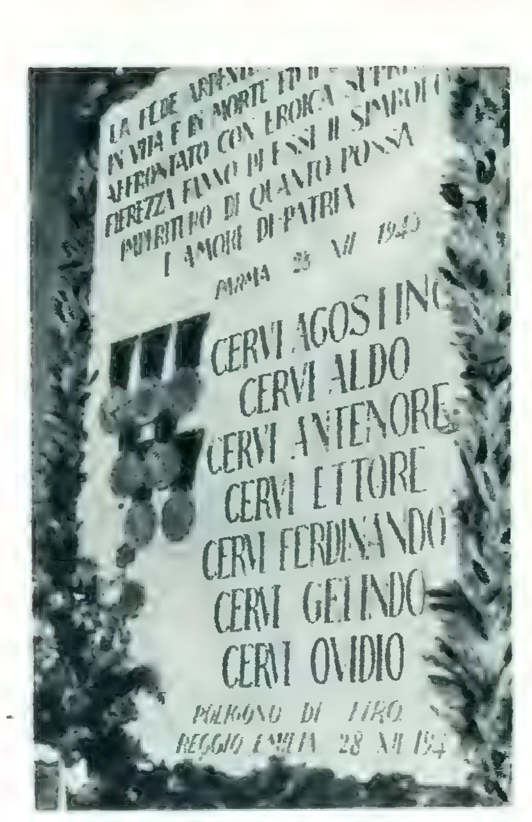
В один из первых дней пребывания в Москве мы направляемся к Мавзолею Ленина и Сталина. Становимся, как все, в очередь.

Когда мы возвращаемся в гостиницу, меня ждут советские журналисты. Но я так взволнован посещением Мавзолея, что не в состоянии рассказать им историю моих сыновей. Тогда Монтанари решает, что раз я не умею вести себя с журналистами, я не должен вообще давать никаких интервью.

На следующий день мы едем осматривать дом, где умер Ленин. Дом оживает, когда ставят пластинку с записью выступления Ленина. У него спокойный и ясный голос, а мне почему-то думается, что он говорил быстрее и с большей страстью. В одной из комнат хранится коляска для инвалидов, подаренная Ленину в 1923 году английскими рабочими. Это единственный подарок, который он согласился принять,— обыкновенно он от них отказывался, говоря, что другим они более необходимы.

Уже после, когда я поехал в Ленинград, я видел место, где Ленин скрывался в 1917 году, у рабочего Емельянова. Это симпатичный старик 84 лет; он работал в то время на военном заводе. Я видел место, где Ленин писал книгу «Государство и революция»,— в лесу, на разрозненных листках бумаги. У него под рукой было немного книг, и столом служил пень. Мне вспомнилось в эти минуты мое селение Кампеджине и то, как мы прятали политических беглецов и пленных русских. «Емельянову 84 года, а мне 80,— подумал я.— И мы оба давали убежище революции. Но он, конечно, сделал больше меня».

После первых поездок по стране нас повезли в дом отдыха в Пушкино, под Москвой. Тут дела пошли всерьез: нужно было на самом деле отдыхать, за этим следила целая армия врачей. Мне и Монтанари выдали по полосатой пижаме, как и всем отдыхающим. Но я ему сказал: «Пижаму



Мемориальная доска, посвященная семи братьям Черви.

будешь носить ты, а я нет: мне будет казаться, что я в итальянской тюрьме». Утром нас пригласили делать гимнастику, но я отказался: человек моего возраста должен сохранять достоинство! К тому же я делаю гимнастику, гуляя.

Как только в доме отдыха узнали, что мы итальянцы, нас сейчас же стали просить спеть. Почему это так: достаточно сказать, что ты итальянец, и ты сейчас же должен петь? Я не решился давать концерты и Монтанари тоже, но мы заранее все предвидели и пустили в ход пластинки, которые захватили с собой. И вот поет Джили, поют другие итальянские певцы. Советские товарищи растроганы, они говорят мечтательно об Италии, о Сорренто, где жил Горький, рассказывают, что очень хотели бы к нам приехать...

Дом отдыха прекрасен. Здесь небольшое озеро, река, длинная дорога для прогулок, окаймленная фруктовыми садами, цветниками. Здесь отдыхают трудящиеся Москвы под наблюдением врачей. Вот если бы такой дом отдыха имели батраки нашей долины с их постоянными плевритами и туберкулезом от сырости, от недоедания, от безработицы!

Но несмотря на то, что дом отдыха был сущий рай, я говорю Монтанари: «Я устал от слишком долгого отдыха, оставайся здесь один. Я уже здесь все осмотрел, обмерил все аллеи, пересчитал даже деревья...»

На следующее утро я привожу в исполнение свой тайный план. Выхожу в половине десятого утра на прогулку. Я должен вернуться в 11 часов. Но Монтанари нет, и я направляюсь в лес, перехожу реку, прохожу через две деревни.

Попадаю в колхоз и завожу разговор с крестьянином. Ему 66 лет. Я делаю жесты руками, изображаю рога: я хочу узнать, сколько в колхозе коров. Он мне тоже показывает руками, сколько. А потом делает голосом: «Бее... беее...»

Я в отчаянии: может быть, здесь коровы так беекают? Но потом мне приходит в голову: он, наверно, подразумевает овец. Я описываю их жестами, и тогда он говорит: «Да, да!».

Потом я встречаю отряд пионеров. Я с ними здороваюсь и начинаю рассказывать им сказки, которые моя жена рассказывала нашим сыновьям. Я объясняю все жестами и рисую на земле. Ребята наперебой стараются помочь. Мы гуляем в лесу; они мне объясняют, что это за деревья, что за листья, которые они наклеивают в альбом. Мы идем все дальше и дальше, как в сказке. Я снимаю ботинки, привязываю их к палке и несу на плече...

В глубине леса мы вдруг встречаем группу людей из дома отдыха. Я спрашиваю, нравится ли им прогулка в лесу, а они отвечают, что меня разыскивают целых 12 бригад, что уже 4 часа и что в доме отдыха создан штаб, который распорядился вести поиски во всех соседних деревнях.

Монтанари встретил меня бледный и дрожащий. А я смеюсь и говорю, что наконец-то я повидался и побеседовал с колхозниками, осмотрел посевы, землю, познакомился с системой земледелия.

Меня ждало письмо из дома. В нем было написано: «Мария в Милане, на Конгрессе федерации итальянской коммунистической молодежи. Джелиндо, Адельмо и Тонино через месяц едут в пионерлагерь в ГДР, Ирнес — в Лозанне, на Всемирном конгрессе матерей».

— Вот видишь,— говорю я Монтанари.— Я ведь всегда считал, что у нас настоящая интернациональная семья!

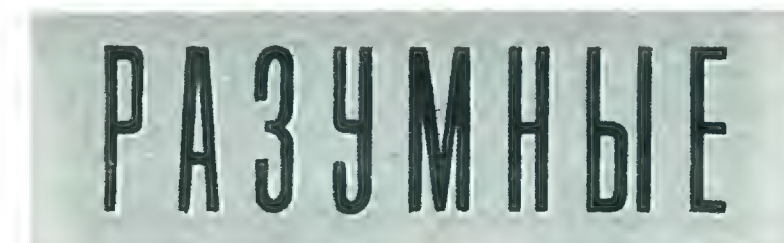
Перевод Р. **ЗАМКОВОЙ**.

Альчиде Черви и генеральный секретарь компартии Италии Пальмиро Тольятти.

Быстродействующая электронная счетная машина — БЭСМ,— созданная в Институте точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР.

Фото Е. Умнова.

Кирилл АНДРЕЕВ



МАШИНЫ

Существует средневековая легенда о знаменитом немецком ученом XIII века Альберте Великом. Он затратил якобы тридцать лет на изготовление волшебного железного человека. Этот железный, механический человек был слугой ученого: он умел открывать и закрывать двери и произносил несколько слов приветствия входящим.

Но этот идеальный слуга с годами разладился и с каждым днем становился все болтливее. Назойливые разговоры неживого существа настолько удручающе действовали на Фому Аквинского, любимого ученика Альберта Великого, что однажды Фома схватил молоток и разбил вдребезги механического человека.

Эта сказка, однако, основана на реальности. В средние века, да и позже, искусные механики и часовщики очень часто изготовляли всякого рода механических людей: музыкантов, танцоров, даже рисовальщиков. Особенно прославились своими «людьми» два швейцарских часовщика — отец и сын, Пьер и Анри Дро.

«Швейцарский писец» искусных часовщиков сидел на скамейке за маленьким столиком. Гусиное перо, которое он держал зажатым в руке, механический писец обмакивал в чернильницу и писал на листе ряд фраз — красивыми, ровными буквами с верными нажимами. При этом он двигал головой, отчего восхищенным зрителям казалось, что он следит за написанным... Закончив фразу, писец посыпал страницу песком для просушивания чернил, как было принято в те времена.

Его «брат», рисовальщик, держал в руке карандаш и изображал на бумаге разные фигурки, иногда очень удачные. Механическая музыкантша играла на фисгармонии, ударяя по клавишам пальцами и покачивая в такт головой. Закончив пьесу, она наклоняла голову, словно благодаря зрителей за одобрение.

«Железные люди» с огромным успехом демонстрировались в Париже и Мадриде. Но тут-то их постигло несчастье: заподозренный в колдовстве, Анри Дро был посажен в тюрьму инквизиции, где провел много лет. Истощенный долгим заключением, часовщик умер через год после бегства из тюрьмы.

– Не разбивай меня! Я тебе ещё не всё сказал!..

Рисунки Ю. Федорова.

Но все эти механические люди не были «разумными» машинами. Это были лишь игрушки, усовершенствованные часы. Они получили название «андроидов» — от греческого слова, означающего «человекоподобные».

И, однако, подлинно «разумные» машины — разумные в том смысле, что они облегчают не только физический, но и умственный труд человека, — существуют уже несколько столетий. Они совсем не похожи на механические игрушки, служащие для забавы. Они честно и добросовестно трудятся — каждая в своей области.

Все они связаны с математикой, вернее, с ускоренным или упрощенным решением математических задач. Они освобождают человека от однообразных и утомительных мозговых усилий, освобождают его творческое воображение для решения более общих и сложных проблем.

Математика, которую мы считаем не только точной, но и самой точной, точнейшей из наук, совсем таковой не является. Вернее, абсолютно точная в своих теоретических положениях, она почти всегда обращается к приближенным методам, когда дело идет о решении конкретных задач, поставленных жизнью. Об этом хорошо знают инженеры, ведущие расчеты с точностью «до третьего знака». Об этом знают и школьники даже младших классов, определяющие площадь круга с помощью числа «пи», которое не может быть выражено ни одним конечным числом знаков. Для школьных (да и инженерных) расчетов достаточно значения 3,14. Однако школьники знают иногда и следующие знаки этой дроби, практически нужные лишь в очень редких случаях. Конечно, математик В. Шенкс совершил научный подвиг, потратив несколько лет на вычисление числа «пи» с точностью до семьсот седьмого знака: ни одна задача теоретической математики еще не решалась с таким огромным приближением и точностью. Но практически работа эта была ненужной.

В известном смысле вспомогательными средствами математика обладала почти всегда. Таковы «заслуженная» таблица умножения и таблица логарифмов — уже почти с «высшим образованием». Более тысячи лет существуют такие счетные машины, как абак древних греков и римлян. Аналогичными им китайскими и русскими конторскими счетами и до наших дней пользуются счетоводы. Более сложная счетная линейка тоже довольно стара: она появилась в 1630 году.

Через десять лет семнадцатилетний французский ученый Блэз Паскаль изобрел первую настоящую счетную машину — родоначальника славной семьи современных арифмометров. Принцип его прост: арифмометр позволяет заменять умножение повторением сложения, а деление — таким же повторным вычитанием, которое рассматривается как действие, обратное сложению. Только сейчас, по прошествии трех столетий, мы видим, сколь великим оказался этот простой принцип...

– Мой брат прекрасно пишет, а я зато умею рисовать на него шаржи!..

Однако далеко не все математические задачи могут быть решены обыкновенными арифметическими средствами. С этим столкнулись древние математики уже несколько тысяч лет назад, когда искали методы определения площадей участков земли, ограниченных кривыми линиями, а, как известно, именно работами вавилонских и египетских землемеров были заложены основы современной математики.

Еще в III веке до нашей эры величайший математик древности

Архимед предложил необыкновенно остроумный способ определения таких площадей. Он вырезал из жести фигуры заданной формы и измерял их площадь взвешиванием: сначала клал на весы вырезанную фигуру, а затем жестяной квадрат, представляющий, в том же масштабе, единицу измерения.

Развитие в XVIII веке высшей математики, в частности, создание дифференциального и интегрального исчислений, позволило чисто математическим путем определять площади криволинейных фигур и решать целый ряд подобных же задач, поставленных перед наукой бурно развивавшейся техникой и ранее считавшихся неразрешимыми. Но эти решения часто требовали столько сложных вычислений, что выдающиеся математики иногда тратили по нескольку лет жизни на одну задачу. И тут на помощь снова пришли машины.

Сто лет назад, в 1854 году, появилась машина, определяющая площадь плоской криволинейной фигуры, передвигаясь по чертежу. Иными словами, решалась задача численного интегрирования. В XX веке ее потомство разрослось в огромные и сложные вычислительные машины. Они подняли «машинную математику» на совершенно новую ступень и оказали сильнейшее влияние на современную технику.

Как телескоп или микроскоп являются продолжением человеческого глаза, но не могут его заменить, как телемеханические устройства можно назвать гигантскими руками человека, так счетные и вычислительные машины можно условно назвать продолжением его мозга. Однако они лишь облегчают и ускоряют работу человека, но не могут ее заменить.

Чтобы родились действительно «разумные» машины — в условном, конечно, понимании этого слова, — должны были быть созданы новые области техники: автоматическое регулирование, следящие системы, телемеханика, электроника.

В 1876 году знаменитый немецкий изобретатель и инженер Вернер Сименс впервые демонстрировал свой «видящий автомат». Это была огромная модель человеческого глаза с прозрачным зрачком и подвижным веком. В слабо освещенной комнате глаз был открыт. Но стоило поднести к зрачку свечу или лампу — и веко опускалось, как у человека, вышедшего из полутемной комнаты на яркое солнце.

Секрет этого был прост: за прозрачным зрачком Сименс поместил селеновый элемент, прибор из селена — «лунного вещества», меняющего свое электрическое сопротивление под действием света.

Но должен был появиться созданный гением Александра Столетова первый фотоэлемент, должны были пройти еще несколько десятилетий, чтобы наступило подлинное торжество «электрического глаза».

...Это случилось в 1933 году.

К девяти часам вечера, как было назначено, у многочисленных ворот всемирной чикагской выставки «Столетие прогресса» собралась миллионная толпа любопытных. Однако на территории выставки было темно и тихо.

Но вот стрелки на всех циферблатах у входов на выставку перескочили на 9.30 — внезапно вспыхнули тысячи прожекторов и миллионы разноцветных ламп, загремели бесчисленные репродукторы и автоматически открылись ворота.

Люди, толкая друг друга, бросились вперед, стремясь попасть на территорию выставки, открытой столь чудесным образом. Они знали, что честь эта была предоставлена не президенту республики и вообще не человеческим рукам. Это должна была сделать звезда Арктур!

Четыре обсерватории в четырех штатах следили за движением этой звезды. Это было сделано для того, чтобы случайное облако не нарушило хода празднества. В нужный момент луч звезды, пойманный фотоэлементом — «электрическим глазом», установленным в фокусе телескопа, — заставил его на мгновение стать источником тока. Несколько электронов, выбитых из фотоэлемента светом Арктура, были размножены в миллионы раз электронными лампами, и электрический ток, придя на выставку в Чикаго и многократно усиленный, включил прожекторы, лампы, громкоговорители и автоматы.

Душой современных приборов управления, телемеханических и автоматических устройств, является прибор, который ученые и инженеры назвали реле.

«Реле» — слово французского происхождения. Некогда так назывались станции, где путешественники сменяли уставших лошадей. Реле в технике впервые появились на дальних телеграфных линиях, где они включали новые мощные источники электрического тока под действием пришедшего издали ослабленного, «уставшего» тока. Электронные реле завоевали новые области техники.

Фотоэлементы в соединении с электронными реле зажигают фонари на улицах в больших городах и гасят их с наступлением рассвета. Они считают в цехах продукцию и сортируют ее. В качестве «помощников кочегара» они, находясь в фабричной трубе, контролируют качество сгорания топлива. Они регулируют уличное движение, водят машины, поезда и корабли. Они... Но разве можно перечислить все победы нашего века?!.

На основе всей этой техники, воплотившей гений человечества и его тысячелетний великий труд, созданы кажущиеся совершенно фантастическими электронные счетные машины — «думающие», или «разумные», машины, как иногда их называют.

Год их рождения, 1943, многие считают началом новой эры. Одни сравнивают появление счетных машин с изобретением книгопечатания, другие — с промышленным переворотом, третьи ставят их распространение выше, чем открытие атомной энергии. Споры о них ведут математики и инженеры, биологи и философы. А споры эти, как мы сейчас увидим, чрезвычайно горячи.

Современная электронно-счетная машина, с технической точки зрения, — чрезвычайно внушительное сооружение. Величина ее сходна с величиной автоматической телефонной станции среднего масштаба. Она состоит из нескольких тысяч электронных ламп (вспомним, что лучший радиоприемник 1-го класса, «Минск-55», содержит всего 11 ламп), имеет десятки тысяч конденсаторов и сотни тысяч соединений. Легко себе представить — нам, знающим сложность устройства радиол, радиоприемников и телевизоров, — сложность подобной машины...

Одна из таких машин — БЭСМ, быстродействующая электронная счетная машина Академии наук, сконструированная под руководством академика С. А. Лебедева и целиком созданная нашей промышленностью, — находится в Москве.

Машина эта внешне выглядит совсем не эффектно. Она похожа, пожалуй, на автоматическую телефонную станцию или на щит управления большой электростанции. Тускло поблескивают в ячейках электронные лампы и индикаторные лампочки. Видны сотни штепселей и кнопки управления. Машина собрана из маленьких стандартных блоков.

Но попробуем представить себе необычайное могущество этой машины. Что можно сделать с ее помощью? И вот мы узнаем о том, что лишь несколько лет назад показалось бы фантастикой.

Рабочий день машины БЭСМ длится 24 часа в сутки. Начинается он с проверки, ведь машина не безгрешна: могут выйти из строя электронные лампы, отказать конденсаторы и контакты. Затем уже машина работает без перерыва, делая по восемь тысяч операций в секунду. Означает это, что она считает примерно в сто тысяч раз быстрее человека и на ней за несколько часов можно произвести столько вычислений, сколько квалифицированный вычислитель не сможет сделать за всю свою жизнь.

Заслуги этой машины велики. Автоматизировав процессы умственного труда, как на заводах-автоматах механизируется физический труд, она уже дала стране сотни миллионов рублей экономии. С ее помощью были решены некоторые задачи ядерной физики. Она позволила гидрологам увидеть наглядно движение грунтовых вод под телом плотины Куйбышевской гидростанции. Она ускорила расчет вибраций крыльев и корпуса реактивных самолетов.

Для международного астрономического календаря были подсчитаны орбиты 700 малых планет. Такие расчеты, где нужно принимать во внимание сложное влияние Юпитера и Сатурна, раньше требовали работы целого большого коллектива вычислителей в течение многих месяцев. Машина позволила провести эту работу за несколько дней.

При составлении новых карт по данным геодезической съемки нужно было решить систему восьмисот алгебраических уравнений со многими неизвестными. БЭСМ произвела 250 миллионов нужных арифметических действий за несколько часов.

Сложные радиотехнические схемы требуют предварительных «просчетов» многих вариантов. Один такой расчет требует по меньшей мере трехмесячной работы двух вычислителей. На БЭСМ были исследованы сто вариантов за семь часов, причем было произведено более 150 миллионов арифметических действий.

При постройке каналов очень важен расчет крутизны откосов: слишком крутые осыпаются, пологие экономически невыгодны. Для расчета хотя бы одного варианта нужна работа пятнадцати вычислителей в течение года, причем получается малая точность и нередки ошибки. При помощи БЭСМ точный подсчет десяти вариантов занял меньше трех часов.

Машина эта не только облегчает и ускоряет работу человека. Ее постройка дала нам в руки возможность решения даже таких задач, решить которые человек раньше практически был не в состоянии.

Смелые научные гипотезы в наши дни уже не могут быть чисто умозрительными, как это было принято полтора — два столетия назад: они требуют сложных и кропотливых «просчетов», как говорят математики. В таких сложных математических «просчетах» быстродействующие электронные машины уже оказывают ученым неоценимую помощь.

Скоро перед ними встанут еще более сложные задачи — рассчитывать движение искусственных спутников Земли и проектировать первые в мире межпланетные ракеты...

Быстродействующие электронные машины способны решать не только самые сложные математические задачи.

Такая машина может автоматически составить расписание поездов — она легко исследует все возможные варианты и выберет наилучший; можно автоматизировать и во много раз ускорить процесс планирования перевозок. Разрабатываются планы полностью автономных заводов без людей — заводов-автоматов, управляемых электронными «думающими» машинами.

Машины-библиографы могут подобрать читателю литературу по любому интересующему его вопросу: будут перебраны десятки тысяч карточек и отобраны нужные.

При помощи электронной машины можно, не зная языков, автоматически переводить несложные тексты. Достаточно заложить в нее, скажем, английский или арабский текст — и она даст вполне удовлетворительный перевод его на русский. Набор слов может достигать до тысячи слов, а число языков — до двадцати. В машину заложены основные грамматические правила, и она дает при переводе правильную расстановку слов и опускает артикли... Конечно, это не художественный перевод, но вполне удовлетворительный для технических целей. Если слово имеет несколько значений, то машина даст все эти значения, и опытному редактору ничего не стоит выбрать нужное.

Уже построен электронный наборщик, «видящий» заданный текст и набирающий его в двести раз быстрее самого опытного линотиписта. Ведутся опыты с машиной-чтецом для слепых, которая сможет читать вслух любую книгу, автоматически приспосабливаясь к любому шрифту.

Но и машины с электронными лампами далеко не являются самым последним достижением тех-

ники. Не так давно в Ленинграде прошла научная конференция по полупроводникам, где выступавшие рассказали о поистине сказочных возможностях этой новой области техники.

Машина, где электронные лампы будут заменены полупроводниковыми кристаллами, будет по размерам вдвое меньше, значительно надежнее, а скорость ее работы — в несколько раз больше. Энергии же она будет потреблять только одну десятую часть той, которая нужна для электронной машины...

В чем же заключается отличие всех этих машин от ставших в наши дни старомодными «обыкновенных» автоматов? В чем тайна их необыкновенного могущества?

Секретов этих три: применение электроники; введение запоминающих устройств; автоматизация всего вычислительного процесса.

У людей, не посвященных в тайны современной техники, наибольшее удивление вызывает «память» машин. Однако применение механической памяти совсем не является чем-то необыкновенным или даже непривычным.

Костяшки счетов «помнят», пока это нам надо, отложенные цифры. Фотография — это мгновенная фиксация зрительных картин. И никого не удивляет, что патефонная пластинка «запоминает» целые арии и музыкальные произведения, а кинопленка может навеки запечатлеть целый театральный спектакль. Поэтому нет ничего удивительного в том, что запоминающие устройства электронной машины могут накапливать большое количество чисел и быстро выбирать из этого запаса нужные для выполнения данного математического действия.

В большинстве электронных машин применяется двоичное счисление. По этому же принципу построена и БЭСМ.

Привычное нам десятичное счисление — разделение чисел на единицы, десятки, сотни, тысячи — совсем не является единственно возможным. От древних народов мы унаследовали некоторые остатки двенадцатиричной системы — так, например, мы считаем месяцы; в Англии и Америке дюжинами, гроссами и дозандами торгуют штучным товаром, по этой системе исчисляются меры длины.

Теоретически возможное двоичное счисление практически было бы невыносимым: уже число «2» пишется по этой системе — 10; четыре — два в квадрате — 100; восемь — два в кубе — 1 000; шестнадцать — два в четвертой степени — 10 000 и т. д. Для того, чтобы написать по двоичной системе «25 декабря 1955 года», пришлось бы изобразить следующее: 11001 числа 1 100 месяца 11 110 100 011 года. Однако математики уже давно заметили, что это счисление обладает удивительной особенностью: все действия в нем сводятся к сложению и вычитанию, а эти два действия чрезвычайно просты, ведь в двоичном счислении существует только две цифры: 1 и 0. Но так как небольшие числа выражаются большим количеством цифр, то решение несложных арифметических задач затянулось бы на долгие недели и даже месяцы.

—Вы помните? Вы всё, конечно, помните!

Арифмометр или интегратор, хотя и работают гораздо быстрее человека, все же ограничены в своей скорости инерцией движущихся металлических частей. Электронные процессы практически лишены инерции и поэтому позволяют производить любые действия почти мгновенно. Машина, построенная по принципу двоичной системы, пользуется лишь двумя цифрами — один и ноль, или, если выразиться образно, она отвечает на всякий заданный вопрос либо «да», либо «нет», что очень упрощает ее работу.

Существует детская игра, при которой один из играющих задумывает какого-нибудь замечательного человека или литературного героя, а другой играющий пытается отгадать задуманное имя, задавая ряд вопросов, на которые первый может отвечать только «да» или «нет».

Работа электронной машины БЭСМ несколько напоминает эту игру. Только она как бы сама задает вопросы и сама на них отвечает, осуществляя так называемую «программу», заданную ей заранее. Приказ машине задается по условному коду, который состоит из ряда цифр, имеющих характер шифра и означающих как действия, которые нужно произвести, так и номера ячеек запоминающего устройства.

Однако двоичная система не является единственно возможной для электронных машин. Существуют машины, пользующиеся обычной десятичной системой. Они отличаются тем, что в их «памяти» навеки запечатлена электронная таблица умножения.

Удивительное внешнее сходство действия электронных машин с некоторыми простейшими функциями человеческого мозга заставило ученых искать и внутренних параллелей. Найденные аналогии оказались чрезвычайно интересными.

В зрячей читающей машине есть объектив, который направляется на книгу, линза, увеличивающая каждую букву любого шрифта до определенной величины и отбрасывающая ее изображение на чувствительный экран. Экран состоит из сетки фотоэлементов, соединенных с усилительными лампами. Изображение буквы, бросая тень на экран, заставляет работать только определенные элементы, разные для каждого типографского знака. А электрические импульсы, пройдя через специальные резонаторы, превращаются в звук.

Но эта схема почти точно повторяет устройство человеческого глаза! Объектив — это зрачок, линза — хрусталик, сетка фотоэлементов — сетчатка, а электронные лампы — чувствительные центры в нашем мозгу!

Больше того: можно даже найти отдельную аналогию некоторых функций человеческого мозга с работой электронной машины. Ведь нервная ткань состоит из нервных клеток, так называемых нейронов. Каждый нейрон может находиться лишь в одном состоянии: либо возбуждения, либо покоя. Это — внешнее сходство с «да» и «нет» электронной машины.

Попытки объединить количественные закономерности в весьма разнородном материале теории связи, теории следящих систем, теории автоматического регулирования, теории электронных машин и физиологии за последние годы вызвали к жизни новую отрасль науки — кибернетику.

Такое объединение в принципе вполне возможно. Математика очень часто ищет общие закономерности в самых разнообразных явлениях природы. Одними и теми же уравнениями описываются теория электрических колебаний в сети переменного тока, поведение звуковых и ультразвуковых волн, сигналы радиолокации и радиоастрономии, пульсации гигантских звезд — цефеид — и колебания земной коры при землетрясениях.

Название «кибернетика» происходит от греческого слова «кибернао» — управлять кораблем. Это наука об общих принципах управления — машинами и живыми организмами. Название «кибернетика» не ново: его впервые ввел в литературу знаменитый физик Ампер еще в 1843 году как название еще не существующей науки, которая должна быть создана. Но и сейчас ее нельзя считать вполне установившейся, она пока в зародыше: это пока только совокупность разработанных теорий, непроверенных гипотез, а также более чем сомнительных философских обобщений. Так как в разработке этого нового научного направления принимали участие люди самых разнообразных взглядов, то кибернетика оказалась сдобренной изрядной долей идеализма и метафизики.

К подобным аспектам относится утверждение, что устройство человеческого мозга ничем не отличается от электронной машины, что машина «думает», «обладает воображением» и что дело лишь в количестве нейронов — ламп, что пока создан «искусственный мозг» уровня плоского червя, но принципиально возможно построить — пусть в будущем — машину, превосходящую человека.

Все это, конечно, абсурд, и нас не могут убедить в этом никакие кибернетические игрушки, вроде железной мыши, отыскивающей в довольно сложном лабиринте кусок железного «сала», или использование электронных машин для игры в шахматы. Говорят, что во Франции построена машина даже для поэтов: с набором рифм, сравнений и ассоциаций. В одном журнале был опубликован рассказ, сочиненный «электронным поэтом» совершенно самостоятельно. Впрочем, его достоинства, повидимому, обусловливаются работой талантливого редактора.

-Эх, хорошо вечерком включить электронную лампочку, посидеть да подумать!..

Дело здесь, конечно, не в том, что существующие ныне машины имеют лишь десятки тысяч ламп, а наш мозг состоит примерно из десяти миллиардов элементов — нейронов. Отличие здесь не количественное, а качественное.

Человеческий мозг — сам создатель и всегда останется создателем всех машин. Все они моделируют только отдельные, узкие процессы умственной человеческой деятельности, не содержащие элементов творчества. А человеческий мозг именно в процессе творчества бесконечно развивается, подчиняя себе природу и создавая «вторую природу», в том числе и электронные машины, которые, как бы они ни были совершенны, всегда останутся его слугами.

Директор Института академик С. А. Лебедев (второй слева) с группой сотрудников обсуждает результаты эксплуатации машины.

Фото Б. Кузьмина.

КАРАКУМСКИЙ КАНАЛ

Г. ЗЕЛЬМА

Экспресс дальнего следования Москва—Ашхабад проскочил мост через Аму-Дарью, прорезал узкую зеленую полосу Чарджоуского оазиса, и полотно железной дороги с двух сторон обступили, точно застывшие волны, песчаные барханы Кара-Кумов. Долго еще идет поезд среди бескрайнего моря песков, но вдруг за окном вагона показываются сверкающие на солнце стрелы экскаваторов, высоко в небо взлетают облака пыли.

Здесь один из участков первой очереди Каракумского канала. Строители ведут наступление с двух сторон. Одна группа — «сухопутная»,— снабженная бульдозерами, скреперами и экскаваторами, пробивается со стороны Мургаба. Она уже прошла труднейший путь 150-километровых грядо-

ТРОЕ НА ДАЛЕКОМ ОСТРОВЕ

Нередко среди участников экспеднции в Антарктиду возникали беседы о предстоящей высадке на берег шестого материка, о том, как придется жить и работать на неведомой земле, покрытой вечными льдами. И всегда в таких случаях товарищн обращались с расспросами к радисту Евгению Трофимовичу Ветрову.

Евгений Трофнмович не стар годами: только недавно ему исполнилось трндцать. В полярном стаже он уступает многим своим спутникам — знатокам Арктики. Но нменно он, Ветров, руководнл недавно первой полярной станцией, созданной на далеком острове.

Вспоминая год, проведенный там, Евгенний Ветров начннает свой рассказ с мая 1954 года. В те дни, когда во льдах Северного Ледовитого океана начали действовать две дрейфующне станцнн, возннкла необходимость поддержнвать с ними регулярную авиасвязь. Чтобы обеспечивать пилотов на пути в высокие широты метеосводкамн, было решено создать небольшую полярную станцию на далеком острове. Белоснежной шапкой высится над ним ледник.

Редким кораблям удавалось проходить вблизи этого острова, постоянно окруженного сплоченным дрейфующим льдом. Редко замечали его с воздуха и полярные пилоты, летавшие в этих краях: остров почти всегда одет туманом.

Так случилось и в мае 1954 года, когда опытный летчик Петр Павлович Москаленко вылетел к острову. Кабина тяжелого двухмоторного самолета была забита, как товарный вагон. Оборудованне радиостанции, арктическая палатка, доски, фанера, запасы продовольствия, бочки с бензином — едва оставалось место для трех пассажиров. Раднст Евгений Ветров, метеоролог Александр Артемьев и механик Иван Исаев должны

Построив дом, полярники острова перебираются из палатки на новоселье.

вых песков. Другая группа идет на сближение от Аму-Дарьи. «Водники» — так называют другую группу, которая открыла путь реке и протянула воду в пустыню на сто с лишним километров.

Впереди отряда «водников» продвигаются маленькие землесосы, прокладывающие в песке «пионерную» траншею, по которой следуют мощные земснаряды, расчищая и углубляя водную магистраль.

Уже близок час, когда аму-дарьинская вода дойдет до плодороднейших земель Мургабского и Теджейского оазисов и даст возможность расширить посевы ценных сортов тонковолокнистого хлопчатника на сотни тысяч гектаров.

Строители вступили в соревнование в честь XX съезда КПСС и обязались к весне будущего года закончить прокладку канала первой очереди и дать воду жаждущей земле.

НА СНИМКАХ:

Слева: В этом месте воды Аму-Дарьи поступают в головной участок Каракумского канала.

Уже готовятся к приему «большой воды» колхозы Марыйской области.

Справа: Мощные земснаряды разрабатывают русло канала.

Вдоль всей трассы можно встретить автолавки, снабжающие строителей товарами.

были стать первыми жителями острова.

За стеклами пилотской кабины сплошной стеной висел туман. Но внизу, на поверхности моря, мелькали небольшие айсберги. Эти осколки древнего ледника подтверждали расчет штурмана И. Д. Кухаря. Самолет был над островом, но посадка в тумане грозила тяжелой аварией.

Решив переждать, Москаленко сел в море на дрейфующий лед. Вскоре туман рассеялся. Снова зашумели моторы самолета, и через несколько минут он опустился. Над островом взвился красный флаг с серпом и молотом, и рядом с ним черным пятном обозначилась полусфера походной арктической палатки.

Несколько рейсов сделал пилот Москаленко, чтобы завезти на самолете оборудование и все необходимое для полярной станции. Однажды, опустившись в тумане, самолет несколько часов рулил по острову, ориентируясь по радиоволне, которую излучал передатчик Ветрова.

Евгений Трофимович Ветров.

Летом, пока светло и над островом сквозь пелену тумана тусклым пятном изредка просвечивает солнце, можно жить в палатке. Но к зиме надо было готовить дом. И три полярника построили его. К концу лета к острову подошел ледокольный пароход «Седов». Но с моря надвигались дрейфующие льды. Опасаясь, что судно будет раздавлено, моряки объявили аврал и быстро выгрузили на лед все, что было привезено для полярников. Когда пароход ушел, Ветрову, Исаеву и Артемьеву пришлось перевозить уголь, продовольствие и доски в гору. Много груза перевезли три полярника на самодельных нартах, сделанных из лыж. Из досок, доставленных на корабле, пристроили к дому тамбур. На ледяном фундаменте были прочно установлены двигатели, питавшие энергией радиостанцию. В палатке устроили склад продуктов.

С наступлением зимы на небольшом острове начались частые пурги и сильные морозы. Но к этому времени жилище полярников было надежно утеплено. И хотя порой деревянный домик заносило снегом вместе с крышей, внутри всегда было уютно, тепло и светло. Маленькая станция на далеком острове исправно обслуживала радиосвязью и метеосводками полярную авиацию. По нескольку раз в сутки зимовщики сообщали на Большую Землю состояние погоды и льда в районе острова, регулярно вели гидрологические исследования. Эти сведения использовались в Главсевморпути для составления прогнозов к арктической навигации.

Первые зимовщики острова возвратились на родину. На смену им прибыла новая, более многочисленная группа полярников с новым оборудованием для научной станции.

По-разному сложились судьбы трех молодых людей, сдружившихся за год тяжелой зимовки. Александр Артемьев и Иван Исаев работают сейчас в Советской Арктике и самыми лучшими пожеланиями напутствуют своего товарища Евгения Ветрова, плывущего через экватор в противоположную часть нашей планеты — к берегам Антарктиды.

С. МОРОЗОВ

У витрины магазина.
Фото Е. Тиханова.

СУВЕНИРЫ

Магазин этот особенный, и покупатели у него тоже необычные. Находится он на одной из торговых линий ГУМа. Индийский писатель Али Сардар Джафри назвал его «лавкой красоты». Вот что написал он: «Этот магазин напоминает мне прекрасное искусство Кашмира. Руки народа создают всю эту красоту. Когда руки свободны, как в Советском Союзе, красота увеличивается и труд награждается не только деньгами, но и любовью и восхищением покупателей. Мне не хочется уходить из этой лавки красоты. Я желаю счастья всем создателям этой красоты и всем тем, кто распространяет ее из-за прилавка».

Продавщицы стоят у шкафов и полок, уставленных сувенирами. Здесь замечательные изделия мастеров Палеха, Хохломы, Гжеля. Сувениры из кости, дерева, папье-маше, каслинского чугуна, украинской керамики. И всюду памятные виды Москвы: на открытках, на платках для настольных ламп, на бумажниках, брошках, подстаканниках, письменных приборах...

Три приятеля-студента отобрали московские сувениры. Они отошлют их родителям, братьям и сестрам в Вологду, Валуйки и Ош.

К прилавку подходит пожилой китаец. С ним переводчица. Он профессор, поясняет она. У него девять дочерей, и каждая ждет сувениров из Москвы.

— Профессор очень счастливый,— улыбается продавщица Евдокия Закутнова и отбирает девять карманных платков, девять значков, девять брошек...

Профессор снимает с себя китайский значок и протягивает продавщице:

— Это сувенир из Китая.

Стоя за прилавком, девушка видит многих знаменитых людей, приезжающих в Москву. Уж сюда-то они обязательно придут — за сувенирами! Были здесь и члены американской сельскохозяйственной делегации и французские киноактеры, иноземные моряки и сам «бродяга» — индийский киноактер Радж Капур. Английские футболисты купили каждый по миниатюрной пластмассовой статуэтке балерины. «Не можем похитить ваших замечательных балерин, увезем хоть этих!» — шутили они.

Покупатели у прилавка все меняются.

— Посоветуйте: какой подарок купить мальчику? — спрашивает полная дама, растерянно осматривая полки.

— Мальчику? Сколько ему лет?

— Двадцать два. Но он еще совсем ребенок...

— Дайте альбомчик с видами Москвы. Это для друга, уезжающего на север. Пусть, сидя среди льдов, вспоминает прелесть Москвы.

— Наша сослуживица уходит на пенсию. Какой преподнести ей сувенир?

— У свекрови день рождения...

К прилавку подошел известный писатель. Он здоровается с продавщицами, как со старыми знакомыми.

— Куда едете? — спрашивает черноволосая Рита Балабко.

— В Рим.

— А парижанам понравились сувениры, которые вы им повезли?

Шумной стайкой ворвалась в магазин группа девушек. Но они сразу смолкли, завидев писателя. Едва он ушел, как снова затараторили:

— У подружки свадьба, Мы ей купили подарок: большой сервиз. А теперь что-нибудь смешное...

— Вот фигурка из керамики «Моющийся малыш». Видите, какой он жизнерадостный и как весело поливает себя водой!

Следующий покупатель был едва виден из-за прилавка: торчала только его ученическая фуражка.

— Что тебе, мальчик?

— Подарок купить. У меня тридцать рублей...

— А мама браниться не будет?

— Это маме ко дню рождения. Я скопил деньги, она не знает.

Это был тысячный сувенир за сегодняшний день.

Одна покупка была официально отмечена в книге отзывов и предложений:

«Посол Республики Индонезии доктор Субандрио купил подарок для своего коллеги в Пекине. Очень красивый письменный прибор производства Украины. Мы рекомендуем этот магазин, как магазин сувениров г. Москвы».

Сувениры Москвы расходятся по всей стране, по всему миру, неся память о великом городе.

Я. МИЛЕЦКИЙ

К восьмой годовщине провозглашения Бирманского Союза

ШЕСТЬ ЗВЕЗД НА ФЛАГЕ

4 января 1948 года Бирма была провозглашена независимой республикой.

На национальном флаге Бирмы изображена большая пятиконечная звезда, окруженная пятью звездочками поменьше. Это эмблема объединения народов Бирмы — бирманцев, шанов, каренов, чинов, качинов и кая — в едином Бирманском Союзе.

На территории Бирмы живут не только эти народы. Число их в стране достигает ста. Большинство населяет отдаленные, изолированные горные районы. По численности горные племена составляют около одной шестой части всего населения Бирмы, но занимают они почти половину ее территории.

Когда Бирма была английской колонией, ее пограничные горные районы управлялись англичанами. Бирманцы не имели туда доступа. Исторически сложившиеся связи народов Бирмы, не раз объединявшихся в прошлом в единое государство, были искусственно разорваны.

После второй мировой войны народ Бирмы потребовал выхода страны из Британской империи. Это желание было столь единодушным и решительным, что правящим кругам Англии пришлось пойти на предоставление Бирме независимости. Тогда-то и родилась идея союза — объединения всех народов, населяющих Бирму, в единое государство.

Выдающуюся роль сыграл в этом объединении национальный герой Бирмы генерал Аунг Сан.

* * *

Самое большое из национальных государств Бирмы — Шанское — занимает около четверти всей бирманской территории. В нем проживает более миллиона с четвертью шанов. У них есть письменность. По звучанию шанский язык очень похож на сиамский, письменность же заимствована у бирманцев. Шаны отличаются от бирманцев по одежде: у бирманцев и мужчины и женщины носят длинные пестрые или цветные юбки — лонджи, у шанов мужчины и женщины носят широкие, свободные брюки, их одежда больше походит на китайскую.

Своеобразны обычаи племен, населяющих Шанское государство. Женщинам из племени падаунг, обитающего на юге, еще в детском возрасте надевают на шею металлическую кольцевую пружину, которая так и не снимается до конца жизни. С годами шея становится необыкновенно длинной, что у падаунгов считается признаком особой красоты.

Шанское государство состоит из 33 княжеств. Во главе каждого стоит наследственный князь, по-шански — собва. Раньше он имел в своем княжестве неограниченную власть. Сейчас князья лишены законодательной и судебной власти, а их исполнительная власть ограничена.

Шаны в основном занимаются сельским хозяйством. Главная культура, как и в Бирме, — рис, но в умеренном, прохладном климате шанского плато выращивают и картофель, и капусту, и прочие овощи, сеют пшеницу, кукурузу и другие знакомые нам злаки. Растут там и цитрусовые, чай, кофе.

Промышленность развита слабо. Большие естественные богатства шанского плато еще лежат неразведанными. Но они, несомненно, будут изучены и освоены народами Бирманского Союза.

* * *

Карены — самый многочисленный после бирманцев народ Бирмы. Их более полутора миллионов человек. Одни живут в горах, другие — на равнинах. Карены-горцы живут в небольших деревнях, построенных на труднодоступных вершинах и склонах гор. И на равнинах, где карены живут вместе с бирманцами, они строятся отдельно, вдали от дорог, населенных пунктов, стараясь не привлекать к себе внимания.

Горцы — прекрасные поводыри и дрессировщики слонов на разработках ценного тикового дерева. Диких слонов, загнанных в корал, они за шесть месяцев приучают носить и укладывать в штабели огромные тиковые бревна.

Язык каренов имеет до двадцати диалектов. Наиболее распространенные те, на которых говорят сго-карены и пво-карены, живущие на равнинах, и бве-карены, живущие в горах.

Сго и пво имеют письменность, созданную около ста лет назад на основе бирманского алфавита. Язык каренов тоновой и в этом отношении похож на языки народов Вьетнама. В зависимости от едва уловимого для непривычного уха тона, низкого или высокого, плавного или отрывистого, значение слова резко меняется. В бирманском языке три тона, в каренском — пять.

* * *

Автономный округ чинов вытянулся вдоль реки Чиндвин, от границ с Индией до впадения Чиндвина в Иравади. Этот малодоступный горный район — сплошные джунгли, совершенно непроходимые в долгий период дождей. Здесь в разобщенных горных долинах, ущельях, на плато и седловинах гор проживает около четверти миллиона чинов.

Каждый племенной клан чинов селится в пределах одной или нескольких горных долин. Изолированность кланов друг от друга породила обилие языков и диалектов, так что порой жители одной деревни не понимают жителей соседней. У чинов насчитывается 45 главных языковых диалектов. Северные диалекты, имеющие между собой некоторое сходство, резко отличаются от южных. Совершенно различны быт, нравы и обычаи чинов, живущих на границе с Индией, и чинов, расселившихся на склонах гор, которые спускаются к равнинам Иравади.

Поселения чинов раскинулись на крутых склонах гор, удобных для длительной обороны. Оборонительные сооружения и необыкновенная храбрость помогли чинским кланам сийинов и сокте при поддержке других чинских племен в течение десяти лет сдерживать натиск английских войск, когда они напали на Бирму.

* * *

Наги — небольшая народность. На территории Бирмы их насчитывается не более 70—80 тысяч. Живут они на крайнем севере, там, где проходит граница с Индией.

Высокие, труднопроходимые горы и густые тропические джунгли отделяют нагов от остального мира. У них до сих пор сохранилось много первобытных обычаев. Воины некоторых племен носят только повязку вокруг бедер и головной убор из перьев диких птиц. Вооружены они копьями и луками.

Селения нагов разбросаны на скалистых вершинах гор. Общаются между собой деревни с помощью огромных барабанов. Эти же барабаны передают сигналы тревоги.

Живут наги охотой и примитивным сельским хозяйством. Еще десяток — полтора лет назад о них вообще почти ничего не было известно. Только в начале пятидесятых годов правительством Бирмы были приняты меры для создания постоянной администрации в округе нагов.

* * *

По соседству с нагами живут качины. Качинское государство расположено вдоль границ с Китаем, там, где высокие отроги Гималаев отделяют Бирму от Тибета и индийского Ассама. В этом суровом краю гор живут мужественные и смелые качинские племена: саши, мару, йойины, лизу и многие другие. Живут они, как и чины, кланами, во главе которых стоят племенные вожди — дувы. Занятия и обычаи их во многом схожи с обычаями других горных народов. У качинов несколько больше развита торговля. Экономические связи качинов с соседями, особенно с Китаем, издавна носят постоянный характер.

* * *

Растут связи Бирманского Союза с миролюбивыми государствами. Растет дружба Бирмы с Советским Союзом. В совместном заявлении Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, Члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева и Премьер-Министра Бирманского Союза У Ну, подписанном в Рангуне 6 декабря, говорится, что отношения между Советским Союзом и Бирманским Союзом, которые всегда были искренними и дружественными, основываются и впредь будут основываться на принципах мирного сосуществования.

В. АРИНИН

ГОРНЫЕ НАРОДЫ БИРМЫ

Рисунки бирманского художника Маунг-Су.

Горные карены.

Чины племени хака.

В. С. Андреев. РЕКА САЛУИН У ГОРОДА МОУЛМЕЙНА ПРИ ВПАДЕНИИ В АНДАМАНСКОЕ МОРЕ

ДЕРЕВНЯ В РАЙОНЕ ОЗЕРА ИНЛЯ.

В ПРЕДМЕСТЬЕ РАНГУНА.

ПАГАН — ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА БИРМЫ.

ГОРНЫЕ НАРОДЫ БИРМЫ

Рисунки бирманского художника Маунг-Су.

Качины племени йойин.

Представители племени падаунг.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЯН СИНА

Главы из романа

У НУ

В книге премьер-министра Бирманского Союза У Ну «Человек человеку — волк», заключительные главы которой мы публикуем ниже, описана история крестьянской семьи из небольшой деревушки Сханзу, раскинувшейся на берегу реки Иравади.

События развиваются в сороковых годах, на фоне нарастающего народно-революционного движения бирманского народа за национальную независимость.

В предыдущих главах рассказывается о том, как крестьянин Ян Син, его молодая жена Нгве Кхин и многие другие жители деревушки, ранее стоявшие в стороне от освободительного движения, втягиваются в борьбу против колониального гнета.

Ян Сину предъявляют ложное обвинение в разбое и бросают в тюрьму. Во время его отсутствия богачи Сейн У и Ба Вин надругались над его женой Нгве Кхин; она не переносит позора и кончает жизнь самоубийством. Ян Син, отбыв срок заключения, выходит из тюрьмы и мстит за Нгве Кхин. Но у богачей много денег, и представители власти «сидят у них в кармане». Вскоре Ян Сина вновь сажают в тюрьму, и на этот раз он подвергается страшным мучениям.

Печатаемые главы были опубликованы в бирманском журнале «Гардиан» за 1955 год.

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Вполне естественно, что Ян Син был вне себя от гнева. Но ярость его была подобна ярости тигра в клетке. Бессильная ярость. На следующий день он был помещен в больничную палату. К этому времени Ян Син узнал многое о тюремных порядках. Друга, на которого можно было бы положиться, у него теперь не было. Он уже испытал, что такое «прием» в конторе старшего надзирателя.

В больничной палате его встретил тюремный врач собственной персоной. Накануне вечером он обедал у надзирателя и имел с ним доверительный разговор о Ян Сине. И, конечно, врач постарался обнаружить у Ян Сина глисты. Последовали решительные лечебные меры: в горло Ян Сина отправилась тройная доза английской соли. Это было в прошлый полдень, но его еще слабило. Ян Син изнемогал. Свернувшись на джутовой подстилке, он был преисполнен такой жалости к самому себе, что по его щекам катились слезы. «Видно, они будут делать так до тех пор, пока я не умру»,— сказал он. И тут же добавил: «Еще бы! Кто меня пожалеет?» — таким тоном, словно принял какое-то решение.

Он вытер слезы рукой и заскрежетал зубами. На следующий день ему дадут другое сильно действующее лекарство — порошок от глистов. И после того, как найдут в кале много глистов, он опять получит большую дозу этого обжигающего внутренности порошка. Ян Сином занимался сам тюремный врач — вещь неслыханная в истории этой тюрьмы. Ян Син хорошо знал, что доктор, не произнося ни слова, будет продолжать свое дело. Если бы он, Ян Син, даже отхаркивался монетами достоинством в десять рупий, все равно ему не избежать этой муки. Что он мог поделать?

Ян Син уже решился. Когда ему подали лекарство, он схватил стакан и швырнул его на цементный пол. Врач был весьма удивлен. Он полагал, что Ян Син — мертвый тигр. Но мерт-

вый тигр прыгнул и укусил его. По приказу врача тюремщики потащили Ян Сина в камеру. Нет нужды описывать, что они делали с ним по дороге. Избитого Ян Сина, как мешок, бросили в камеру. В следующий понедельник его дело должно было разбираться у начальника тюрьмы.

Ян Син был очень слаб. Однако перед начальником тюрьмы он предстал закованным в наручники. Этот парень, оказавший открытое неповиновение тюремному врачу, да еще в такой неслыханной форме,— должно быть, опасный субъект. Было бы безумием не принять мер предосторожности и не надеть наручники на такого человека, прежде чем отвести его к начальству. К тому же, увидев наручники, начальник прикажет применить самые жесткие меры.

Начальник спросил: «Почему ты отказался принять лекарство?» Ян Син знал, как вершится правосудие в тюрьме. Он очень хорошо понимал, что любое его слово — пустой звук. Слушать будут только старшего надзирателя и прочих тюремщиков. А старший надзиратель уже имел на него зуб. Поэтому Ян Син ответил просто: «Я не хотел лечиться». Старший надзиратель тут же вставил замечание по-английски, что Ян Син безнадежно испорчен. «Очень хорошо»,— сказал начальник тюрьмы. Он приказал влить Ян Сину лекарство через нос, а затем посадить его на месяц в одиночную камеру. Ян Сина это не удивило. Он спокойно последовал за тюремщиком в камеру.

На двадцать восьмой день Ян Син узнал, что апелляционный суд отклонил его жалобу. Это означало, что первоначальный приговор — четыре года строгого тюремного заключения и тридцать ударов розгами — оставлен в силе. Если человек приговаривался к тюремному заключению и наказанию розгами, то порка учинялась на пятнадцатый день после вынесения приговора. Апелляция осужденного задерживала исполнение приговора до утверждения его апелляционным судом. Значит, когда его выпустят из одиночки, он должен готовиться к тридцати розгам.

В тех случаях, когда старший надзиратель и начальник тюрьмы почему-либо благоволили к заключенному, экзекуцию старались облегчить. Но у простых смертных все зависело от экзекутора. Например, если заключенный мог умилостивить его взяткой в восемь анн[1], тот выбирал розги на палец короче. Розги, укороченные на два пальца, стоили целую рупию. Такие розги причиняли несколько меньшую боль. Жертве, однако, надлежало кричать изо всех сил, чтобы присутствующие начальник тюрьмы и тюремный врач были удовлетворены наказанием. Некоторые суеверные арестанты полагались на всякие чудодейственные болеутоляющие средства и заранее смазывали ими спину вместо того, чтобы ублажить экзекутора. Это приходилось делать тайно: узнав о подобных манипуляциях, экзекутор принимал контрмеры: он незаметно окунал розги в человеческие экскременты — и тут все тайные чары были бессильны. Мало того, рассерженный экзекутор прибегал в таких случаях к запрещенному «удару с протяжкой», рассекающему кожу.

Некоторые, кому это было доступно, входили в сделку со старшим надзирателем, и тот в приватном разговоре с экзекутором советовал не слишком усердствовать. Но тут не следовало забывать, что солидная взятка старшему надзирателю предполагает взятку поменьше экзекутору. Иначе экзекутор мог раз или два «ошибиться» и хлестнуть по спине так, что забрызжет кровь.

Счастливчиками были те, кому удавалось заслужить расположение тюремного врача. В делах, связанных с телесным наказанием, он обладал самой большой властью. Он определял, может ли заключенный выдержать порку, он не только указывал, с какой силой следует наносить удары, но вправе был даже прекратить экзекуцию до того, как были отсчитаны все удары, которые полагались по приговору. Кто-то даже перемолвился с тюремным врачом об Ян Сине. Увы, это был не друг, а враг! У Ян Сина не было никакой надежды.

И вот этот день настал. В списке присужденных к розгам было одиннадцать человек, Ян Син — пятый. Скоро двор, где секли заключенных, огласился душераздирающими криками. Некоторые вопили от боли. Других сковывал страх, и они не в силах были кричать. Ян Син был потрясен. Но он стиснул зубы и ждал своей очереди. Когда она наступила, Ян Син тяжелой поступью подошел к треугольнику из деревянных брусьев — месту экзекуции. Экзекутор, стоявший с правой стороны, велел ему поднять руки над головой и крепко привязал их к вершине треугольника. Другой экзекутор сорвал с Ян Сина одежду и привязал его за поясницу к поперечному брусу. Сопротивляться теперь было невозможно. Но и это было не все. К нижним углам притянули веревкой ноги Ян Сина. Затем на ягодицы набросили кусок тонкой материи, пропитанной какой-то жидкостью.

Палачи знали свое дело и на все это потратили не более двух минут. Секли два экзекутора, стоявшие по обе стороны деревянного треугольника. Рассекая со свистом воздух розгами, они наводили страх на жертву еще до начала экзекуции. Наконец палач, стоявший справа, взмахнул розгой и нанес первый удар. Тонкая ткань, покрывавшая ягодицы Ян Сина, сразу окрасилась кровью. Тюремщик, отсчитывающий удары, громко и бесстрастно выкрикивал: первая розга, вторая, третья...

Работа экзекуторов была нелегкой. Стоя примерно в трех шагах от своей жертвы, экзекутор со свистом замахивался розгой и, расчетливо шагнув к треугольнику, наносил Ян Сину удар, не нарушая ритма своего движения. Тот, что стоял с левой стороны, сделав шаг, переносил тяжесть тела на правую ногу и затем, приподнявшись на пальцах правой ноги, вкладывал эту тяжесть в падающую на спину розгу. Нанеся удар, он отступал в том же ритме назад и принимал прежнее положение. Экзекутор, стоявший с правой стороны, действовал точно таким же образом, с той лишь разницей, что центр тяжести тела переносил на левую ногу.

После каждого удара выступала кровь, скоро ею пропиталась вся ткань. Тонкие струйки крови стекали по бедрам Ян Сина. Он не издал ни одного звука. Прижавшись лбом к деревянному брусу, он отдался боли. Мужество Ян Сина привело в исступление обоих палачей, получивших от начальства инструкцию сечь без пощады. Они превзошли самих себя, словно Ян Син долгие годы был их личным врагом.

Психология человека имеет свои странности. Даже у отца, дающего взбучку сыну, возрастает гнев, если ребенок переносит наказание молча. Другое дело, если ребенок плачет, кричит, что ему больно, что он понял свою ошибку и исправится: родителя это удовлетворяет, и он прекращает порку. Ничего удивительного, что экзекуторы, прислужники врагов Ян Сина, видя его упорство, действовали так, словно воспылали к нему лютой ненавистью. Ян Сину не на что было надеяться. Умереть здесь, на месте истязания, было бы для него лучше. Чем быстрее смерть, тем скорее освобождение.

Ян Син, добрый, вежливый, мягкосердечный, Ян Син — муж, чьим желаниям так безропотно подчинялась Нгве Кхин, был достаточно умен и мыслил трезво. С той минуты, как он подавил чувство жалости к самому себе, он ожесточился и был готов выдержать любые удары судьбы. Поскольку судьба бросила его в волчье логово, единственное, что он мог сделать,— это мужественно переносить боль. И он не издал ни звука.

* * *

Через три дня после экзекуции Ян Сина по приказу начальника тюрьмы направили на ручную мельницу. Мукомольные жернова, прозванные узниками «толстушками», были так тяжелы, что все их боялись. Тем, кто не знал секрета, как вращать их, они казались заклиненными. Даже сильный мужчина выдохся бы после одного часа неумелой работы на этих жерновах. Эта дьявольская махина служила, в сущности, для тяжелого физического наказания заключенных. Но они также использовались хозяевами для прочих гнусных целей.

Ян Сину никогда не приходилось вертеть жернова, но от своих товарищей по Бассейнской тюрьме он знал о «толстушке» все. Вряд ли он смог бы привести ее в движение в одиночку. Он положил ладони на рукоятку «толстушки» и стоял, понурив голову. Надсмотрщик закричал на него: «Эй ты, какого дьявола прохлаждаешься? Давай крути!» Для убедительности он ткнул Ян Сина концом палки в спину. Боль на боль. Не убирая ладоней с рукоятки, Ян Син повернул голову и сказал надсмотрщику: «Я не отлыниваю. Я просто слишком слаб для этой работы».

Надсмотрщик. Смотри, это тюрьма, а не отцовский дом. Не вздумай чваниться.

Ян Син. Прошло только три дня, как меня секли розгами. Каждое движение причиняет мне боль.

Надсмотрщик. Не мое дело! Если ты находишься под моим началом, ты должен работать. И никаких глупостей.

Ян Син. Пожалуйста, пощади меня еще день или два.

Надсмотрщик. Я не пощажу тебя ни на минуту. Шагай, верти жернов!

Ян Син (в полном безразличии, его ладони соскальзывают с рукоятки жернова). Я просто не могу сейчас вертеть жернов, делай со мной, что хочешь. Я вынесу все что угодно, только не это.

Это было как раз то, что хотел услышать надсмотрщик. Не медля ни минуты, он потащил Ян Сина к заведующему тюремной мельницей. Тот нацарапал записку: заключенного надлежит отправить в тюремную контору, он отказался выполнять порученную ему работу.

Ян Сина под конвоем дежурного привели к старшему надзирателю. Этот не стал терять времени. Он приказал — так было задумано ранее — отвести Ян Сина в одиночку.

В понедельник, во время еженедельного обхода начальника тюрьмы, делу Ян Сина был дан ход. Начальник посмотрел на Ян Сина, припоминая, где он видел этого человека. Старший надзиратель напомнил, что это тот самый преступник, который отказался принять лекарство. Начальник утвердительно кивнул головой. Внимательно прочитав рапорт старшего надзирателя, он обратился к Ян Сину: «Почему ты не подчинился надсмотрщику и отказался работать?» Прежде чем Ян Син смог произнести слово, старший надзиратель сказал по-английски: «Он совершенно испорчен». Этого было достаточно. Начальник тюрьмы приговорил Ян Сина к двум месяцам одиночного заключения, а после этого — к тяжелой работе: таскать воду.

Два месяца в одиночной камере тянулись, как два года. Ян Син упорно думал о себе. Он старался понять, почему именно его, не причинившего никому зла за всю свою жизнь, судьба обрекла на такие страдания. Это были опасные мысли. Они рождали прежнюю жалость к самому себе. Парень, сидевший в соседней одиночке, пробовал вызвать Ян Сина на разговор. Но Ян Сину не хотелось говорить ни с кем. Он предпочитал оставаться наедине со своими мыслями. И как ни странно, он думал о Ба Вине чаще, чем о Нгве Кхин. Так захватило его желание отомстить.

Заключенный из камеры напротив думал, что Ян Син лишился разума: он то и дело слышал его гневные восклицания и неожиданные вскрики: «Вот тебе!» Но Ян Син не сошел с ума. Он только представлял себе, как нападает на Ба Вина. Картины, рожденные непреодолимой жаждой мести, были настолько живыми, что его рука бессознательно рассекала воздух, словно Ба Вин был здесь. По ночам Ян Сину грезилось, как он сражается с Сейн У и Ба Вином. Он не только убивает их, но и потрошит их мертвые тела. Да, так он и поступил бы, будь у него возможность!

Иногда ему виделось, что они стреляют в него из револьвера. О, как он хотел быть на свободе! Когда он сидел в тюрьме первый раз, он рвался на волю, чтобы быть опять вместе с Нгве Кхин. Сейчас свобода была нужна ему, чтобы отомстить за нее. Его месть будет страшной! Ба Вин и Сейн У не только свели в могилу оскверненную ими Нгве Кхин,— они и теперь здесь, в тюремной камере, разрушают его мужество и силу.

Бедный Ян Син! Если бы ему было известно устройство человеческого общества, он не был бы так зол на Сейн У и Ба Вина, которые были только шестеренками в дьявольской машине

[1] Индийская монета; одна анна равна 1/16 рупии. Примечание переводчика.

капитализма. В «джатаке»[1] о слонах есть легенда об охотнике Соноттхоре, который выпустил стрелу в слона Бодхисата. Бодхисат, зная, что роковая стрела была выпущена снизу, стал рыть землю ногой и увидел Соноттхору в подземном коридоре. Бодхисат поднял ногу, чтобы раздавить охотника, но хитрый охотник набросил себе на плечи покрывало желтого цвета, отпугнувшее повелителя слонов. Тогда слон спросил у Соноттхоры, почему он совершил злое дело. Охотник ответил ему, что он — только последнее звено в цепи зла. Верно, его рука спустила тетиву лука, но ему приказал сделать это король. А король был вынужден отдать этот приказ потому, что королева неожиданно воспылала желанием носить серьги, сделанные из бивней Бодхисата. Таким образом, действительным виновником злодеяния была королева, а он и король — слепые орудия в ее руках.

Точно так же Сейн У и Ба Вин были просто порождением дьявольской системы, в которой имущие творили социальную несправедливость во всех ее формах — от эксплуатации их труда до физического насилия.

«Имущему должно быть дано, от неимущего взято» — таков закон этой системы. Несмотря на изобилие жизненных благ, народ голодал среди этого изобилия, а богатства все больше стекались в руки кучки богачей. Бедные становились еще беднее. Алчность била через край. Нравственность падала. Над всем господствовало золото. Богачи, опьяненные богатством, стали еще больше презирать бедняков, на которых они смотрели, как на свою законную добычу. Притеснения стали переходить в оскорбления. Нгве Кхин была лишь одной из сотен женщин, обесчещенных богатыми. Были сотни таких, как Ян Син. Не будь капитализма, не было бы богача Сейн У и бедняка Ян Сина. Были бы только хороший человек Сейн У и хороший человек Ян Син. Между ними не было бы споров из-за корзин неочищенного риса, не было бы вражды, ложных обвинений, тюрем. Нгве Кхин не умерла бы, а Ян Син не ударил бы Сейн У и не сидел бы в тюремной камере, мечтая о мести. Капитализм — корень всех зол!

Два месяца одиночного заключения прошли, но муки Ян Сина не кончились. Впереди тяжелые работы, таскание воды. Его раны зажили, но от долгого сидения в камере он, казалось, сгорбился навсегда. Он двигался, как дряхлый старик. И вот Ян Син в числе заключенных, приговоренных к тасканию воды. В этой группе обычно бывало от шести до десяти человек. На этот раз в группе было семеро заключенных, включая Ян Сина.

Несколько слов о том, что такое таскание воды. В колодец глубиной в сорок пять футов спускался на канате, перекинутом через ворот, сорокагаллоновый бак. Через витки каната были продеты с определенными интервалами короткие деревянные палки. Каждую палку тянули два человека, стоявшие по обе стороны каната. Заключенный, державший конец каната, тянул палку один. Надсмотрщик, назначаемый из числа арестантов, садился рядом с колодцем, перед ним висел железный гонг. Он ударял в гонг, и заключенные начинали вытягивать из колодца бак с водой. Как только бак появлялся у отверстия колодца, «джан-н» — звучал гонг, и заключенные занимали прежние места. Так, под палящими лучами солнца, под звуки «джан-н», «джан-н», они работали весь день. У Ян Сина было впереди тридцать таких дней.

Обычно за заключенными, работающими у колодца, следил только один надсмотрщик. Но когда в их числе оказался Ян Син, старший надзиратель назначил другого надсмотрщика: он должен был подстегивать Ян Сина. Лицо этого парня было обезображено шрамом от сабельного удара, полученного во время нападения на один дом. Шрам пересек нижнюю часть лица, страшно изуродовав губы. Ян Син был приставлен один к концу каната. Он напряг все силы, но бак с водой не сдвинулся с места: другие заключенные не успели еще взяться за канат. Канат натянулся, но не пошел вверх. Надсмотрщик подбежал к Ян Сину и с криком: «Эй ты, какого черта стоишь?» — ударил его палкой по спине. Ян Сина охватила ярость. Когда опытные охотники имеют дело с тигром, они стараются убить его сразу: они знают, как опасен бывает раненый тигр. Ян Син был в таком же опасном состоянии. Надсмотрщик этого не знал и продолжал колотить его. Десять раз в течение полминуты Ян Сином овладевало желание наброситься на надсмотрщика. Но ему удалось сдержать себя.

Так продолжалось до перерыва на завтрак. Перед Ян Сином стояла миска с едой, но он не притронулся к ней. Опустив голову, он сидел, погруженный в глубокое раздумье. Изредка он выпрямлялся, чтобы облегчить боль в спине. Потом, словно приняв твердое решение, Ян Син стиснул зубы и встал, собираясь идти. Вспомнив о миске, он взял ее и, выйдя наружу, вывалил содержимое в мусорный ящик. В задумчивости он еще простоял с минуту на одном месте. Потом поплелся в укромный уголок за бараками, чтобы поразмыслить наедине.

Вскоре перерыв кончился, нужно было приступать к работе. Ян Син направился к колодцу. Он был настолько взвинчен собственной решимостью, что теперь шаги его были тверды. «Джан-н», «джан-н» — бак с водой поднимался и опускался. Один, два, четыре раза. На пятый раз надсмотрщик-мучитель, приставленный к Ян Сину, ткнул его палкой в спину. Ян Син был готов к этому. Как только работа возобновилась, он расслабил витки каната, державшие палку. Вот он вытащил ее, быстро повернулся и ударил надсмотрщика по голове. Надсмотрщик упал. Заключенные с криками разбежались во все стороны. Но Ян Син, казалось, забыл об их присутствии. Как обезумевший, он продолжал избивать лежащего на земле надсмотрщика. Еще три, четыре удара — и в ушах Ян Сина вдруг зазвенело, он упал головой вперед.

Очнувшись, он увидел себя опять в тюремной камере, все его тело было в крови и ранах от ударов, которые обрушили на него подбежавшие тюремщики.

* * *

Третий раз стоял Ян Син перед начальником тюрьмы, обвиняемый в тяжких злодеяниях. Начальник, нахмурив брови, в упор глядел на него. Теперь старшему надзирателю незачем было убеждать начальника тюрьмы в том, что Ян Син — безнадежно испорченный человек. Начальник решил подвергнуть Ян Сина самому тяжелому наказанию.

Прошло десять дней. Ян Син попрежнему сидел в своей камере один. Он узнал, что удары, нанесенные им надсмотрщику, не оказались смертельными. А ему хотелось, чтобы надсмотрщик умер от побоев. Не из чувства мести, нет! Ян Син рассуждал: убей он надсмотрщика, его бы повесили — и тогда его мучениям пришел бы конец. Он не видел другого выхода из положения, в котором очутился. Мысли Ян Сина были прерваны приходом посыльного от старшего надзирателя. Его привели в тюремную контору. Как только он вошел, на него надели наручники и ножные кандалы. Старший надзиратель тем временем говорил конвойному офицеру, что у Ян Сина отчаянный характер. Затем его отвели на пристань и посадили на судно, отправлявшееся в Рангун.

[1] Цикл бирманских легенд. Примечание переводчика.

Ян Син догадывался, что его переводят в Моулмейнскую тюрьму. Ночью он спал мало. Плохая видимость задержала судно в пути, оно прибыло в Рангун только на следующий день в два часа пополудни. Ян Сина посадили на поезд, который вышел из Рангуна вечером того же дня. Около пяти часов утра поезд огибал знаменитую гору Зингюейк. Пассажиры встали и выразили свое почтение пагоде, возвышающейся на вершине горы. Ян Син также простер к храму скованные руки и тихо, прерывистым голосом взмолился: «Скоро ли конец моим мукам?»

В Моулмейн поезд прибыл без опоздания. В девять часов Ян Син уже был в приемной новой тюрьмы. Обычно с заключенных в приемной снимали наручники, и полицейские оставляли их в проходе между главными и вторыми воротами. Но когда в тюрьму поступали «головорезы», наручников с них не снимали до тех пор, пока стражники не отводили прибывших в специальную камеру. Ян Сина повели туда дежурный тюремщик и охранники. Только у «камеры головорезов» сняли с Ян Сина наручники и ножные кандалы. Но его не освободили от них полностью, а отвели руки за спину и снова надели. Теперь он должен был ждать прихода начальника камеры.

То, что называлось «камерой головорезов», представляло собой небольшое помещение в общей тюрьме, специально построенное для «безнадежных» преступников. В «камеру головорезов» Моулмейнской тюрьмы направлялись арестанты, считавшиеся в других тюрьмах неисправимыми. Давайте посмотрим на «головорезов». Начнем с того, что у человека, которого сажают за решетку и отрывают от семьи и друзей, не может быть нормального душевного состояния. Подавленность, дурное обращение и придирки со стороны тюремных властей и их прислужников приводят к тому, что даже человек с мягким характером может в отчаянии ударить обидчика.

Ян Син не был «головорезом». Его сделали таким тюремные власти. Бесчисленное множество других заключенных было погублено точно таким же образом. Может ли нормальный человек вынести, если его ударят каблуком по носу? Может ли заключенный равнодушно слышать такие оскорбления: «Ты сын шлюхи, зачатый в уборной беглым арестантом»? И если заключенный, выведенный из себя тюремными чиновниками и держимордами, отвечал на удары и оскорбления тем же, он зачислялся в «головорезы». На нем тюремщики всеми способами срывали злобу и затем переводили его в Моулмейн как «неисправимого».

В следственных материалах о бунтах заключенных, происшедших в Рангунской тюрьме в 1930 году и в Инсейнской — в 1934 году, указано, что причиной бунта в первой тюрьме явилась жестокость начальника тюрьмы и в другой — помощника начальника. Начальника Рангунской тюрьмы заставили уехать за границу. Там он получает пенсию и не испытывает никакой нужды. Пострадали только заключенные, многие из них были убиты. Разве они были настолько плохи, что заслуживали смерти?

Другим источником зла для заключенных были наемные тюремщики-иностранцы. Они занимались доставкой в тюрьму опиума, кокаина, спиртных напитков, сигар и других запрещенных предметов. За хорошую взятку они могли принести в тюрьму все, что можно спрятать под одеждой. Их можно было послать к родственникам и друзьям заключенного, проживавшим в городе, за деньгами, из которых они, конечно, половину брали себе как «вознаграждение» за труды. Поговорка «воровская честь» не относилась к ним. Один наемный тюремщик не гнушался подставить ножку своему товарищу.

Если, скажем, заключенный по имени Маунг Пью получал запрещенные предметы, принесенные ему одним наемным тюремщиком, то другой мог поймать того же Маунга Пью с этими предметами. Никакие просьбы, заискивания и раболепие не могли тронуть сердце тюремщика. Но это могли сделать несколько монет. В противном случае составлялся рапорт. Если же Маунг Пью догадывался, что оба тюремщика в сговоре, и, возмущаясь их бесстыдным мошенничеством, отплачивал им за это, он становился «головорезом».

Тюремщики из числа заключенных, носившие белые шапочки, также немало содействовали превращению обычных заключенных в «головорезов». Это были тюремные держиморды. Если молодой заключенный, преследуемый побоями, давал отпор, он становился «головорезом».

Тюремные правила запрещали заключенным иметь деньги, и большинство заключенных сдавало их на хранение «белоголовым» тюремщикам. Некоторые «белоголовые» незаконно присваивали себе эти деньги, и заключенный вместо денег получал удары. Если он давал сдачи, он попадал в «головорезы».

Из всех «головорезов», переведенных в Моулмейнскую тюрьму, добрая половина стала ими так, как это описано выше. Приходилось удивляться, что в тюрьме существовало деление на «головорезов» и просто заключенных: в действительности и те и другие были обыкновенными людьми.

Некоторое время, ожидая прихода начальника, Ян Син сидел в почтительной позе на корточках — по правилам тюремного этикета. Тюремщик и его помощник, стоявшие позади Ян Сина, напоминали пару собак на натянутых поводках, перед тем как их станут кормить мясом. Пришел начальник и внимательно оглядел Ян Сина. Потом с язвительной насмешкой он сказал: «Ну, ты испорчен, а?»

Ян Син глухо ответил: «Я не испорчен, хозяин». Начальник пристально посмотрел на него. Этот парень был прислан в Моулмейн за государственный счет с конвоем. Все эти хлопоты оттого, что он «головорез». Кого же, как не «головорезов», присылают сюда к нему? Кто, кто, а он уж узнает «головорезов» с первого взгляда! А этот парень лжет ему прямо в глаза. Экая наглость! «Этот сын шлюхи хочет обмануть даже меня. Если он не такой, то какого черта его прислали сюда?» Он повернулся к двум тюремщикам: «А ну, мои мальчики, покажите ему, да получше, какая у нас тюремная дисциплина». Сказав это, он повернулся и вышел.

Тюремщик, точная копия театрального злодея, изображаемого в заурядных пьесах, скомандовал Ян Сину: «Встать!» Ян Син встал. Руки у него попрежнему были за спиной, в наручниках. Помощник тюремщика сорвал с Ян Сина одежду и осмотрел его тело. Потом он приказал Ян Сину показать рукой ребра с правой стороны грудной клетки. Ян Син не мог поднять правую руку, ему пришлось приподнять локоть и слегка нагнуться влево. В это мгновение помощник изо всей силы ударил кулаком по выставленной части груди. Внутри у Ян Сина что-то оборвалось. «Теперь то же самое — слева!» — приказал палач. Ян Син подчинился. От второго удара он отлетел на несколько шагов в сторону. Закрыв глаза, он с трудом переводил дыхание. «Садись!» — последовал приказ. Ян Син сел. «Наклони голову влево!» Помощник тюремщика нанес несколько страшных ударов по шее между правым ухом и плечом. То же проделал он и с другой стороны.

Ян Син слышал о жестокой палочной дисциплине в Моулмейнской тюрьме от заключенных, переведенных оттуда в Бассейн. Избиение нисколько его не удивило, но боль была очень сильна. Он был так зол и беспомощен, что тело у него покрылось испариной, его всего трясло. Но на этом мучения не кончились. Помощник тюремщика схватил его за плечи и ударил коленом прямо по солнечному сплетению. Ян Син опрокинулся навзничь и так и остался лежать. Помощник взглянул на него и ухмыльнулся: «Скажи, что ты «головорез», и я прекращу это! Или ты баба? Вставай!»

Ян Син не пошевельнулся — не потому, что он не подчинялся: он потерял сознание. Помощник вышел, принес воду и выплеснул Ян Сину в лицо. Через некоторое время он пришел в себя. Помощник приподнял его и посадил на скамью. И тут тюремщик нанес последний удар. Он отошел на несколько шагов и с криком «Лети!» с разбегу ударил Ян Сина коленом в спину. Ян Син растянулся на полу. Тюремщик и его помощник подхватили Ян Сина под руки и оттащили в камеру, которую заперли на ключ.

Ян Син лежал там, где его бросили, из носа и рта у него текла кровь. На полу образовалась лужица крови. Это был первый урок. Второй начался около трех часов пополудни того же дня. На этот раз Ян Сину надели «браслеты» на руки, вытянутые вперед, и привели к баку с водой длиной примерно в пятнадцать футов, шириной около шести и высотой в три фута. Ян Сина усадили на край бака. Тюремщик приказал ему глядеть в указанном направлении. Ян Син увидел впереди виселицу. «Что ты видишь?» «Виселицу, сэр!» Тюремщик столкнул Ян Сина в воду. Его помощник спрыгнул в бак и прижал голову Ян Сина ко дну бака, придавив ему шею ногой. Задыхаясь, Ян Син беспомощно извивался под ногой истязателя. Когда он почти захлебнулся, помощник снял ногу и вытащил Ян Сина наверх. Тюремщик спросил: «Как тебя зовут?» Ян Син слышал об этом трюке от своих товарищей по Бассейнской тюрьме. Нужно было отвечать: «Мисс Ян Син». Тюремщики «купали» свою жертву до тех пор, пока не получали правильного ответа.

Ян Син уже не боялся смерти. Он даже был бы рад ей. Дух его тоже не был сломлен. Но он уже не в силах был выносить эти муки, поэтому он ответил правильно. «Купание» было прекращено. Оба мучителя повели Ян Сина обратно в камеру, подгоняя сзади ударами палок. Этот способ истязания на тюремном жаргоне именовался «ветер с дождем». Таковы были уроки первого дня.

Ян Син лежал, скорчившись, на полу камеры. Его тело, сплошь покрытое ссадинами и кровоподтеками, ныло от боли. Настала ночь. Тюрьма была погружена в молчание; ее нарушали только удары гонга, раздававшиеся через каждый час, да перекличка ночных сторожей. Заключенные крепко спали после тяжелого рабочего дня. Один Ян Син не смыкал глаз, все размышляя о жестокости человека к человеку. Но ведь он еще не испытал всех уготованных ему мучений!

Они еще не клали его руки на стол и не коверкали кости тяжелым катком. Они еще не вставляли ему между пальцами заостренные с обоих концов медные булавки и не сжимали ему руки до тех пор, пока булавки не врезывались в мясо до костей. А ежедневные посещения бака с водой под «ветер и дождь»? А наказание тяжелым, до полного изнеможения физическим трудом вперемежку с побоями? А насильное кормление человеческими испражнениями? Все это ожидало Ян Сина в течение шестинедельного курса пыток. Ни один «головорез» не избежал этого. Самое большое, чего мог достичь «головорез», если ему удавалось смягчить жестокость тюремных властей и использовать какие-нибудь влияния извне,— это сократить срок мучений до четырех недель. Многие заключенные, не выдержав, кончали жизнь самоубийством. Одни, заточив тайком края бирки, висящей на груди, отрезали себе половые органы. Другие перерезали горло. Некоторые вешались.

Ян Син слышал об этих случаях в Бассейнской тюрьме. Сейчас он был сам в таком же состоянии. Ян Син полностью согласился с теми, кто лишил себя жизни.

Человек живет ради радостей, которые поддерживают его любовь к жизни. Если этих радостей нет, нет и смысла существовать. Ян Син не переставал об этом думать в течение многих недель.

Он приподнялся с пола и целую минуту глядел в ночную мглу через решетку своей камеры. Затем вздохнул, оглядел на себе тюремную одежду и медленно разорвал ее на полосы. Он посмотрел на вентилятор и с последним вздохом решившегося человека взобрался на дверную железную решетку. Принятое решение, казалось, придало ему новые силы. Он уже закончил все приготовления и был готов разжать руки, сжимавшие стержень вентилятора, как вдруг перед ним встал ясный образ его любимой Нгве Кхин. Ян Син замер. Увы, в этом мире иллюзий, где нет ничего постоянного, видение не могло длиться долго! Как только оно исчезло, Ян Син закрыл глаза и рухнул вниз.

На следующий день тюремщики унесли тело Ян Сина. В книге регистрации умерших появилась запись: «Ян Син из деревни Сханзу, отбывавший заключение за вооруженное нападение, умер от малярии». Ничто больше не напоминало о происшедшем. Жизнь в Моулмейнской тюрьме шла своим чередом.

Перевел с английского
А. ТУРАНОВ.

ГОСТЬ

Рассказ

Леонид ВОЛЫНСКИЙ

Рисунок И. Гринштейна.

— Батюшки, да это никак андрюшин сынок!..

Женщина всплеснула пухлыми руками. Паренек, маленький, круглолицый, в стеганом ватнике и ушанке с торчащим кверху ухом, шмыгнул покрасневшим от холода носом и поправил на плече мешок.

— Ах ты, господи! — засуетилась женщина.— Заходи, заходи...

В комнате она снова всплеснула руками, поглядела на паренька и заплакала, шумно сморкаясь. Затем прерывисто вздохнула и прошептала:

— Ну, чисто Андрей! Как две капли... Ляля! — громко позвала она.— Поди-ка погляди, какой у нас гость!

Темноглазая девушка с двумя толстыми косами вышла из другой комнаты, держа книжку в руке.

— Это дяди Андрея покойного,— сказала женщина, и глаза ее снова намокли.

— Очень приятно,— девушка протянула ему узкую теплую ладонь.

— Виктор,— сказал паренек и покраснел.

— Ну, раздевайся, — сказала женщина.— Вот гость-то какой! Надолго ты?

— На целину я. Мы тут эшелоном, до вечера стоять будем.

— Вот тебе раз! — проговорила женщина.— А ты, случаем, не утек из дому?

— Что вы, тетя! — сказал он и покраснел еще сильнее.

— А по правде?

Девушка прикусила губу и потупилась, чтобы не рассмеяться. Паренек нахмурился и пожал плечами. Женщина вздохнула.

— А мама как же? — спросила она.

— Ничего. Привет вам передавала.

Он порылся в вещевом мешке и вытащил завернутый в бумагу пакетик.

— Ну вот еще! — сказала женщина.— Это зачем?..

Она положила пакетик на стол, не разворачивая. На ощупь было похоже на чулки.

— Ну, как же вы там живете?— спросила она.

— Ничего, живем помаленьку...

— Ну, раздевайся, я покушать соберу.

— Спасибо,— степенно ответил он.— Мы завтракали.

— Ну, все равно раздевайся,— сказала она,— гуляй... Скоро дядя придет, обедать будем.— И вышла.

— Раздевайтесь, пожалуйста,— сказала девушка. От неловкости она все время раскрывала и захлопывала книгу.

Он снял ватник. Ушанка у него свалилась на пол, он поспешно поднял ее.

— Давайте,— сказала девушка,— я повешу.

Она вышла из комнаты. Он пригладил торчащие на макушке волосы и огляделся. В квартире было чисто и аккуратно, не то что в их московской комнатенке. От его резиновых сапог на блестящий паркет натекла выпуклая темная лужица. Девушка вернулась и снова взялась за книгу.

— На целину, значит? — сказала она.

— Ага,— кивнул он, искоса глядя на лужицу.

Она помолчала, наморщив лоб. Он осторожно шмыгнул носом.

— Десятилетку кончили? — спросила она.

Он отрицательно качнул головой.

— Восемь,— сказал он и зачем-то ковырнул ногтем пятнышко на своих лыжных штанах. — Придется теперь в вечернюю поступать.

— А там разве есть?

Он пожал плечами.

— Говорили, будет. При совхозе.

Оба помолчали. Потом он спросил:

— А вы где учитесь?

— В десятом.

— А дальше?

— На геологический хочется. Не знаю, выйдет ли. Девчонок туда неохотно берут. Да и отец возражает.

— Понятно,— сказал он.

Снова помолчали. Она оставила книгу, расплела кончик косы и принялась заплетать потуже.

— У вас тут охотничий магазин далеко? — спросил он.

— Охотничий? — Она замигала пушистыми ресницами, припоминая.— Кажется, на Кирова.

— А ехать туда как?

— Троллейбусом. Прямо до центра.

Она помолчала и спросила:

— А вам зачем же?

— Да так...— сказал он и кашлянул.— Ружье купить надо.

Он хотел сохранить серьезность, но ему не удалось. От улыбки не тронутое бритвой лицо его со светленьким пушком на щеках еще более округлилось.

— Там, на целине, говорят, охота мировая,— сказал он.— Зайцы так и шастают.

Он снова кашлянул и не без труда нахмурился.

— Да? — сказала она.— Интересно...

— Съезжу, пожалуй,— сказал он.

— Хотите, я вас провожу? — предложила она.— А то сами еще не найдете.

Она забросила косу за спину и поднялась.

В троллейбусе она сказала:

— Небось, мама не отпускала?

— Было...— улыбнулся он.

Она протерла узорной варежкой замерзшее стекло, поглядела на бегущую заснеженную улицу и спросила:

— Москва, небось, красивее?

— Это само собой.

— Обязательно на каникулы съезжу,— сказала она.— Третий год отец обещает. Университет посмотреть охота...

— Надо,— согласился он.

— А вы, конечно, видели?

— Видал,— усмехнулся он.— Я там работал.

— Как? — удивилась она.

— Строили мы.

— А-а-а!..

Она помолчала, взглянула украдкой на его руки. Они лежали на коленях, покрасневшие от холода, тяжеловатые, с короткими пальцами и въевшимися под ногти черными каемками. На левом мизинце не хватало одного сустава. Она поспешно отвела взгляд и сказала:

— Я читала, тех, кто работал, вне конкурса зачисляют.

— Точно,— сказал он.— У нас многие поступили.

— А вы почему же? — спросила она, глядя в окно.

Он помолчал.

— Всем поступать — места не хватит,— сказал он погодя и улыбнулся.

Она поправила шапочку на голове и сказала:

— Нам через одну сходить.

— И потом матери тоже достается, будь здоров! — сказал он.— Без отца, знаете, как...

— Следующая Кирова! — пропела сзади кондукторша.

— Будем пробираться,— сказала девушка.

В охотничьем магазине он купил ижевскую одностволку за сто со-

рок девять рублей. Выбирая ее, он изо всех сил сохранял серьезность, а под конец расплылся в улыбке.

— Мировая вещь,— сказал он, закидывая ремень на плечо.— И недорого.

— А патроны? — сказала она.

— Ах, да! — спохватился он.

Деньги лежали у него в боковом кармане, зашпиленном большой английской булавкой. Доставая их, он держал булавку в зубах.

На обратном пути им повстречались пятеро в таких же новеньких ватниках и ушанках. Только у одного на голове была крохотная кепчонка с пуговкой. Из-под кепчонки на лоб свисала косая челка.

— Братцы! — сказал он нарочито скрипучим голосом.— Глядите, теперь всем волка́м и зайцам труба: Витька ружье купил.

— Ладно тебе, баламут,— сказал Виктор, краснея.— Знакомьтесь, ребята, это сестрица моя.

Все пятеро больно пожали ей руку.

— Слышь, не опаздывай! — крикнул вдогонку тот, что с челкой.

Дома им открыл полный, небольшого роста человек с мохнатым полотенцем на плече.

— А-а-а,— нараспев сказал он,— молодежь, приветствую, приветствую... Будем знакомы.

Он тщательно вытер пальцы — каждый в отдельности — и протянул Виктору мягкую — подушечкой — ладонь.

— Разоблачайтесь, — сказал он.— Обедать будем.

За столом он налил себе и Виктору маленькую. Чокнулись.

— Значит, на целину? — спросил он, выпив и цепляя вилкой селедочный хвостик.

— Ага, — сказал Виктор.

— Ну что ж... Молодцом. А мать как же? Одна останется?

— Зачем? К осени заберу.

— Вот как? Ну что ж... Ксюша, подай водички, пожалуйста. Ну-с, а где все-таки вы с матерью жить-то будете? Там же вот...

Он раскрыл пустую ладонь и постучал по ней кончиком вилки.

— Построимся,— сказал Виктор.

— Ох-хо-хо, молодежь!.. Ну что ж... желаю... Ксюшенька, добавь-ка щец. Ну, за ваши успехи!

Выпили по второй. Виктор старался есть, не прихлебывая. Девушка задумчиво катала по скатерти хлебную крошку, а дядя жевал, глядя на него рассеянно-добродушными, усталыми глазами.

— Дай-ка я и тебе добавлю,— сказала тетя.— Небось, кондер надоест еще.

— Спасибо, не хочется.

От выпитой водки стало жарко и еще почему-то смутно обидно. Он вытащил скомканный серый платочек и вытер лоб.

— По какой же мы специальности будем? — спросил дядя, покончив со щами.

— Думаю на трактор,— ответил он.

— Владеешь?

— Научимся.

— М-да,— сказал дядя и поковырял спичкой в зубах.— Трактористы теперь прилично зарабатывают.

И он, оживившись, рассказал об одних знакомых, у которых зять — тракторист, и вот, говорят, за прошлый год одной пшеницы шесть тонн получил да еще деньгами четыре с половиной тысячи.

— Жить можно,— заключил он.— Вполне. Только охотиться вряд ли придется.— Он рассмеялся, подмигнул тетке и взглянул на Лялю. Она все еще катала крошку, потупившись. — Фантазеры вы,— покачал он головой.

После второго пили чай с пирогами. Стало смеркаться. Виктор глянул украдкой на часы, опустив руку под стол. Неловко было подниматься сразу же после еды, а приходилось.

— Пора мне,— заявил он, краснея и озабоченно хмурясь.— Как бы не опоздать.

— Погоди,— сказала тетка.— На дорогу возьмешь кой-чего.

— Что вы! — испуганно сказал он.— Не надо!

Но она уже хлопотала на кухне и через минуту вошла с большим газетным кульком.

— Ну, куда мне?

— Бери, бери. Небось, захочется вкусненького...— Она вдруг всхлипнула, и нос у нее покраснел.— Вся повадка андрюшина... Сиротинушка ты моя!..— И притянула его к своей пахнущей корицей и сдобным тестом груди.

В передней он, глядя в пол, натянул ватник, надел на плечи мешок.

— Ну,— сказал дядя и размахнулся розовой ладонью.— На новоселье покличешь?

Он молча усмехнулся.

— И чтоб заяц жареный был! — подмигнул дядя и снова расхохотался.

— Будет и заяц,— упрямо пообещал Виктор.

Тетка еще раз притиснула его к своей обширной груди. Потом он протянул руку Ляле, и она пожала ее как-то особенно и, взмахнув ресницами, глянула ему в самую душу. Глаза у нее были дядины и в то же время совсем-совсем другие.

— Ну, счастливо вам оставаться,— сказал он и взял ружье.

Из своей комнаты Ляля видела, как он топтался у остановки, маленький, смешной, сам немножко похожий на зайца со своим торчащим кверху ухом.

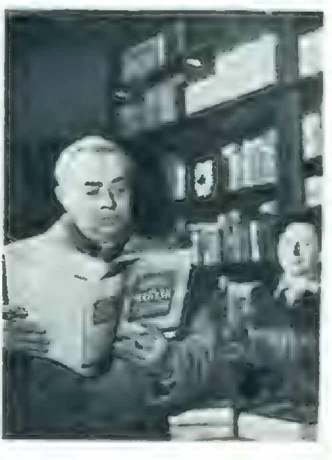
Потом его заслонил и будто слизнул троллейбус. На остановке стало пусто.

Она постояла, прижавшись лбом к прохладному стеклу. Где-то сзади садилось солнце, и от этого в дальних домах веселым, праздничным светом горели все до единого окна. На станции жалобно и призывно крикнул паровоз. В приоткрытую форточку потянуло вечерним холодком, пахнущим весною, и от этого стало грустно и немного тревожно, как бывает перед дальней дорогой. Почему-то вспомнились витькины руки и то, как он назвал ее сестрицей. Она легонько вздохнула и тут же стала думать о другом; и теперь мысль о том, что она скоро уедет из дому и поступит все-таки на геологический, что бы там ни говорили, уже не казалась ей такой туманной и далекой, как прежде. Бродить по горам с молотком и сумкой за плечами, и ездить верхом, и жить в палатке, и видеть пылающие под солнцем вершины!.. Неужели это действительно будет?

Она широко развела руки, потянулась до хруста в плечах и решительно пошла в столовую, чтобы сказать обо всем отцу и поспорить, если придется.

Но он уже спал в своем кресле, приоткрыв рот и уронив газету, а мать, покряхтывая, затирала мастикой подсохшее круглое пятнышко на блестящем полу.

В ожидании радостных встреч



Артист Камилл Фелеки усиленно штудирует венгерско-русский словарь.

В венгерском театральном мире большое событие. Первый раз после освобождения страны венгерский театр отправляется на гастроли за границу, и что самое знаменательное,— в Москву. Будапештский Столичный театр оперетты будет выступать в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко.

За плечами венгерской оперетты почти столетняя история. На ее сцене состоялись премьеры многих произведений выдающихся венгерских композиторов, работавших в этом жанре: Франца Легара, Имре Кальмана, Виктора Якоби, Альберта Сирмаи, Йене Хуска, Акоша Бутькаи. Но на сцене нашего театра идут и произведения современных венгерских и советских авторов.

С огромным волнением готовился коллектив оперетты к московским гастролям. Неделю назад — перед отъездом с венгерскими туристами в СССР — я побывал в театре. Артисты, весь художественный и технический персонал говорили только об одном: что их ждет в Москве? Можно ли надеяться на успех? И не будет ли мешать публике то, что артисты говорят и поют по-венгерски?

Подготовительная работа под руководством директора театра Маргит Гашпар — лауреата премии Кошута — шла несколько месяцев. После долгих обсуждений решили выступать в Москве с тремя спектаклями: «Сильва», «Трембита» и венгерской музыкальной комедией «Боци-Боци Тарка». Их разнообразная музыка, множество трогательных и забавных эпизодов, искрящиеся остроумием диалоги, арии и песни, красочные танцы — все это дает нашему театру возможность достойно показать свою работу советским зрителям.

В каждом спектакле теперь появилась новая роль... переводчика. Он почти все вечера должен быть в театре, объяснять публике на русском языке ход спектакля и делать это так, чтобы не нарушалась художественная цельность восприятия.

Нуждались в обновлении декорации, костюмы. Это тем более было необходимым, что, например, оперетта «Сильва» только за последний год прошла 287 раз. Днем и вечером велись репетиции, причем иной раз и на сцене соседних театров. Бывало так, что в один и тот же час репетировали танцевальный ансамбль, хор, оркестр под управлением главного дирижера Ласло Варади. И наконец состоялся так называемый прогон целых спектаклей.

В группе артистов оперетты, приезжающих в Москву,— заслуженные артисты Венгерской Народной Республики, лауреаты премии Кошута талантливая Ханна Хонти, комический артист Калман Латабар, исполнитель характерных ролей Камилл Фелеки. Оба они известны уже советским зрителям по фильму «В одном универмаге», а Латабар — и по «Судьбе клоуна».

За исключением К. Латабара артисты нашей оперетты еще не бывали в Советском Союзе, а многие даже не выезжали за пределы Венгрии. Но все надеются, что с честью выдержат экзамен. Артистка Х. Хонти успокаивает других, напоминая им, что советские люди бывали в Будапеште, многие смотрели «Сильву» и хорошо оценили работу нашего коллектива.

— Никогда не забуду день,— рассказывала Х. Хонти,— когда наш театр посетил К. Е. Ворошилов. Он слушал «Сильву», и нам показалось, что ему очень понравилось наше представление. И все же теперь я волнуюсь точно так же, как когда-то перед первым своим выступлением. Это было давно. Не стоит говорить, когда это было...

Но я вынужден разгласить секрет артистки: 31 декабря, во время гастролей венгерского театра оперетты в Москве, коллектив будет поздравлять свою ведущую исполнительницу Ханну Хонти по случаю 50-летия ее деятельности на сцене.

Режиссер Миклош Синетар говорит:

— Я очень рад, что смогу показать советской публике свою работу и работу нашего коллектива. Мы знаем, на каком высоком уровне стоит театральное искусство в СССР. И именно поэтому я надеюсь, что так любящие театр москвичи отнесутся к нам приветливо.

Зато Калман Латабар уверенно заявил друзьям и знакомым:

— Я еду в СССР, как домой. Москва и московская публика — родные для меня.

Бела РАЙНО,
венгерский журналист.

В фойе Столичного театра оперетты в Будапеште. Слева направо: режиссер Миклош Синетар, артистка Ханна Хонти, артист Роберт Ратоньи.

Фото Тибора Хирша.

Перед стартом

Б. Шилков.

С. Эрикссон.

Наступающий 1956 год — это год олимпийских игр. В конце января в Италии начнется борьба сильнейших лыжников, хоккеистов и конькобежцев мира. Но если для представителей первых двух видов спорта олимпийские игры заменяют мировые чемпионаты, то для скороходов олимпиада — это только начало большого и трудного сезона.

В феврале конькобежцам предстоит испытать свои силы сперва на мировом, а потом и на европейском первенстве. И сложность здесь не только в количестве соревнований. Если на олимпийских играх победу дает успех на одной дистанции, то европейское и мировое первенство требует победы в многоборье — умения показывать высокие результаты в беге на 500, 1 500, 5 000 и 10 000 метров.

...Перенесемся на высокогорный каток швейцарского курорта Давос, где проходило первенство Европы прошлого года. Когда Ялмар Андерсен закончил четвертую дистанцию — 10 000 метров,— на трибунах уже никто не сомневался в том, что именно этот радостно улыбающийся норвежец станет чемпионом Европы 1954 года. Однако итог состязаний известен: первенство завоевал советский скороход Борис Шилков, несмотря на то, что Ялмар Андерсен с отличным временем выиграл обе длинные дистанции — 5 000 и 10 000 метров, а Шилков победил всего на одной — 1 500 метров.

В чем же дело? Как выявляются победители многоборья? Зная весьма несложную систему подсчета очков, можно быстро определить, на каком месте находится тот или иной спортсмен. Каждая из дистанций многоборья приводится к дистанции 500 метров. Возьмем результаты, показанные Шилковым в 1954 году в Давосе.

500 метр.	— 43,2 сек.		= 43,2 очка
5 000 »	— 8 мин. 16,2 сек.	(или 496,2 сек.) : 10	= 49,620 »
1 500 »	— 2 мин. 13,3 сек.	(или 133,3 сек.) : 3	= 44,433 »
10 000 »	— 17 мин. 16,1 сек.	(или 1036,1 сек.) : 20	= 51,805 »
		Итого:	189,058 очка.

С этой суммой очков Б. Шилков, занявший на 500 метров пятое — шестое места, на 1 500 метров — первое место, на 5 000 метров — третье место, а на 10 000 метров — пятое место, победил Я. Андерсена.

На олимпийских играх также разыгрываются четыре классические дистанции, но в отличие от других соревнований золотые медали здесь присуждаются не за лучший результат в многоборье, а за победу на каждой дистанции.

Как же сложится борьба на олимпийских играх и на чемпионатах Европы и мира?

Надо предполагать, что Швеция, Норвегия и Финляндия, где конькобежный спорт имеет широкое распространение, выставят много молодых, способных скороходов. Так, например, недавно в норвежских газетах промелькнуло сообщение, что союз конькобежцев Норвегии перевел в разряд взрослых десять юношей-конькобежцев и что многие из них претендуют на включение в олимпийскую команду. У нас также выдвинулись новые скороходы. В конце прошлого сезона отлично выступили Юрий Михайлов, Виктор Копытин, Рафаэль Грач. Но все же главными конкурентами сильнейших советских скороходов явятся те, с кем мы встречались уже на ледяных дорожках за последние два — три года.

Особенно грозные соперники по многоборью — это швед Сигге Эрикссон, чемпион мира, и норвежцы Кнут Юханнесен и Ялмар Андерсен, выигравший на олимпийских играх 1952 года три золотые медали. Правда, Андерсен попал в автомобильную катастрофу, и это может сказаться на его результатах, но, тем не менее, норвежские скороходы сделают все возможное, чтобы снова вернуть себе конькобежную гегемонию.

Конечно, нас всех очень огорчило то, что советские скороходы минувшей зимой уступили Эрикссону первое место на чемпионатах Европы и мира. Но значит ли это, что роль наших спортсменов снизилась? Отнюдь нет! Вот о чем говорят несколько цифр, взятых из итогов состязаний прошедшего сезона. В числе лучших в мире пяти конькобежцев спортсмены СССР занимают три места: второе, четвертое и пятое. Среди десяти лучших — четыре места, среди пятнадцати — восемь, среди двадцати — одиннадцать, среди двадцати пяти — пятнадцать мест.

Советские скороходы впервые примут участие в олимпийских играх. Спустя две недели—11—12 февраля — они померяются силами на юбилейном, пятидесятом, первенстве мира, которое состоится в Осло, а затем 25—26 февраля — на чемпионате Европы в Хельсинки.

Какова же расстановка сил перед этими ответственными выступлениями?

Начнем с дистанции 500 метров. Мировой рекорд на эту дистанцию принадлежит советскому спортсмену Юрию Сергееву — 40,8 секунды. Он установлен на алма-атинском высокогорном катке. В минувшем сезоне, выступая вне конкурса на первенстве Италии на льду озера Мизурина, где будут проведены олимпийские игры, Сергеев снова поразил всех своим результатом. Он пробежал 500 метров за 41,2 секунды.

Высокие результаты в беге на 500 метров имеет и другой советский конькобежец, Евгений Гришин, которому принадлежит мировой рекорд в беге на 1 500 метров.

У Сергеева и Гришина много соперников: финн Тойво Салонен, американцы — чемпион VI олимпийских игр Кеннет Генри и призер этих игр Дональд Макдермотт, — норвежец Руар Эльвенес, швед Бенгт Мальмстен и 18-летний норвежец Альф Естванг.

Не менее острой будет борьба и в беге на 1 500 метров. Борису Шилкову, Евгению Гришину, Олегу Гончаренко, Дмитрию Сакуненко придется встретиться здесь со шведом Сигге Эрикссоном, норвежцами Руаром Эльвенесом и Руальдом Осом, голландцами Вим Ван дер Воортом и Герардом Маарсе.

Упорная борьба предстоит на дистанциях 5 000 и 10 000 метров, где наши позиции не так сильны, как на коротких дистанциях. Кроме чемпиона мира Эрикссона и трехкратного олимпийского чемпиона норвежца Ялмара Андерсена, следует назвать очень способного бегуна на длинные дистанции чемпиона Норвегии молодого Кнута Юханнесена. Опытными стайерами являются также англичанин Джон Кроншей, призер олимпийских игр голландец Корнелис Брукман, финн Юхани Ярвинен.

Класс конькобежца-стайера сейчас очень высок. Достаточно сказать, что уже одиннадцать спортсменов показали на дистанции 10 000 метров результат меньше 17 минут. Список этот возглавляет Ялмар Андерсен. Ему принадлежит рекорд, равный 16 минутам 32,6 секунды.

Кортина д'Ампеццо — Осло — Хельсинки — таковы главные этапы конькобежного сезона 1956 года, и какими ни окажутся его итоги, можно с уверенностью утверждать одно: это будет поистине большой сезон.

Гр. ТИНОВИЦКИЙ

Таллинская школа № 16. Письма пришли!
Фото С. Розенфельда.

16 шестнадцатых школ

Сколько увлекательных путешествий совершили в этом году пионеры Таллинской шестнадцатой средней школы!

Они побывали в Москве, видели свет рубиновых кремлевских звезд и университет на Ленинских горах — мечту всех пионеров. Они были в новом метрополитене Ленинграда и дышали холодным озерным воздухом Петрозаводска; гуляли у древних киевских стен, у нефтяных вышек Баку и на набережной Даугавы в Риге; их поднимал в гору тбилисский фуникулер. Они видели прекрасные прямые улицы возрожденного Минска и новостройки Ашхабада... Словом, во всех столицах союзных республик и других городах побывали таллинские пионеры, и каждый город запомнился, каждый — своей неповторимой, волнующей красотой.

Только жаль, что не удалось ребятам познакомиться с людьми и подружиться со своими сверстниками, потому что... потому что путешествия-то происходили в пионерской комнате, у географической карты! Конечно же, путешествия эти были чудесными, рассказ учителя будто раздвигал красный кружочек на карте, и ничего не стоило увидеть собственными глазами кипучую жизнь незнакомых городов. Но как хотелось в такие минуты, взявшись за руки, побегать по паркам Киева с маленькими украинцами, потрогать блестящие косички узбекских пионерок, посмотреть танцы юных таджичек, заглянуть на пионерские сборы москвичей!

— А знаете, ребята, ведь мы можем очень близко познакомиться с пионерами других советских столиц,— сказала как-то вожатая Вальви Вагнер.— Мы напишем...

Тут ее перебили, и Вальви уловила, что замысел ее понят и принят, да как еще принят!

— Да, да, мы напишем письма пионерам в столицы союзных республик и попросим их рассказать о родных городах, о школах, о пионерских лагерях и о спорте, о любимых книгах.— Вальви подвела итог всему, что было предложено.— Но в какие же школы мы напишем?

— В шестнадцатые! — кричат ребята.— В каждой столице республики есть своя шестнадцатая школа.

Письма надо писать, конечно, по-русски: этот язык поймут в Ташкенте и Киеве, в Кишиневе и Баку — везде! И надо написать совершенно грамотно, как требует того честь шестнадцатой школы.

Ребята бегут за преподавательницами русского языка Линдой Густавовной Торро и Верой Петровной Жиляевой. С их помощью в письмах, которые пойдут в пятнадцать столиц, не будет ошибок!

Вот и готово первое письмо, родившееся тут же, на сборе. Оно ушло в Тбилиси, и в нем было вот что:

«Привет из Таллина, дорогие друзья!

Пишут вам пионеры таллинской шестнадцатой школы. Наш город находится на берегу Финского залива, а школа стоит на самом высоком месте в городе. Отсюда очень хорошо видны волнующееся море и корабли, стоящие на рейде. Внизу лежит наш город, с его башнями и крепостными стенами, новыми улицами и парками. Почти в центре города высится телевизионная вышка, ночью она светится красными огоньками и похожа на нарядную новогоднюю елку.

В нашей школе учится 1 200 человек. У нас работают различные кружки: технический, драматический, народных танцев, русского языка, фотокружок, комбинат умелых рук.

Мы очень просим вас, напишите, какие кружки работают в вашей школе, что интересного у вас в пионерской дружине, в кружке русского языка. Напишите, какие вы устраиваете походы. Еще мы просим прислать фотографии вашей школы, дружины, кружка русского языка, открытки с видами Тбилиси, рисунки грузинских национальных костюмов, тексты грузинских песен — хорошо бы на вашем родном языке, но вместе с алфавитом.

Пишите нам письма, мы тоже будем вам писать и посылать открытки.

Наш адрес: Таллин, улица Ласнамяэ, дом 12.

Пионеры таллинской шестнадцатой школы».

...Письма отправлены. Принято решение: когда установится регулярная переписка, провести пионерский сбор о дружбе советских людей. К сбору будут выучены стихи и песни на разных языках советских народов и подготовлены разные танцы.

Первые ответные письма уже получены. Каждый день пионеры шестнадцатой школы тормошат почтальона: ведь так интересно узнать, что же пишут мало знакомые, но уже любимые друзья из далеких городов.

Н. ХРАБРОВА

ТАК МЫ ЖИВЕМ!

Дорогие таллинские друзья! Предложение о переписке принимаем с большой радостью.

Вы писали в нашу школу, зная о ней только то, что она имеет номер 16 и находится в Тбилиси — столице Грузинской республики. Теперь мы скажем более подробно: в городе Тбилиси, на Авчальском шоссе, № 70.

Просим обратить внимание на этот адрес. Недавно наше Авчальское шоссе было еще настоящим проезжим шоссе, соединяющим город с селом Авчала. Сейчас Авчальское шоссе — городская улица. В прошлом году по ней начал ходить автобус, а на Октябрьские праздники 1955 года к нам проложили трамвайную линию.

Мы живем в Ленинском районе города и очень этим гордимся. Это старый пролетарский район, но как городской район, где вырос наш поселок вместе с новыми заводами и школой, он, пожалуй, самый молодой. Некоторые предприятия, на которых работают наши родители, пока еще строятся. У нас находятся крупные заводы шампанских вин, коньячный, завод фруктовых соков, большая чаеразвесочная фабрика.

Как видите, мы окружены вкусными напитками, которые изготовляются из плодов, что дают сады нашей южной республики. О некоторых из этих напитков нам пока еще рано понятие иметь, а что касается чая или сладкой фруктовой воды, то в этом мы с вами можем разобраться.

Так как мы живем на городской окраине и в нашу школу ходят дети из ближайшего колхоза имени Сталина, мы увлекаемся сельским хозяйством. У нас есть неплохой пришкольный участок. Пионеры Ларисса Ефремидзе и Джумбери Шадури вырастили на этом участке тыкву весом в 29 килограммов и обхватом в 173 сантиметра.

В нашей школе обучаются и грузины и русские, и вся наша пионерская работа проводится совместно: грузины помогают русским, русские — грузинам и в изучении языка и во всем другом. Поэтому мы особенно горячо приветствуем тему вашего пионерского сбора и с удовольствием поможем вам.

Ваше письмо мы прочли и обсудили на собрании пионерского актива совместно с педагогами и уже приступили к сбору материалов для выставки «Жизнь пионеров союзных республик».

Тбилисская школа № 16. Ларисса Ефремидзе и Джумбери Шадури на пришкольном огороде у выращенной ими тыквы.

«ПОЙТЕ НАШУ ПЕСНЮ!»

«Здравствуйте, дорогие ребята, кружковцы русского языка 16-й таллинской школы! Приветствуют вас кружковцы русской литературы 16-й киевской школы. Вы просите написать вам о нашей школе, о наших делах, о нашем городе. Мы вам расскажем все по порядку»,— так начинается ответное письмо из Киева в Таллин. Председатель кружка русской литературы украинской школы Анатолий Сирантов, редакторы кружка Люба Коструба, Оля Марченко, Валя Чинч, Анатолий Мешков и другие ученики сообща составляли обстоятельный ответ. Они старались ничего не упустить.

«Наша школа расположена на окраине города. Причем окраина города очень живописна. У нас нет моря, но зато богатая природа. В свободное время мы ходим в лес, который от нас очень близко. Школа наша большая, светлая. У нас есть кружок юннатов. Многие ученики — участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

У нас есть кружок русской литературы. В нем состоит 30 человек — все они из восьмых классов. Мы устраиваем интересные литературные вечера. Теперь готовимся к вечеру, посвященному великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину».

Чтобы таллинские школьники смогли лучше представить, как выглядит столица Советской Украины, ребята вложили в конверт красочные открытки с видами Киева. Кто-то предложил послать песню, которую часто поют в Киеве. Это «Киевский вальс» композитора Майбороды. «Пойте нашу песню!» — пишут киевляне. Песня на украинском языке. Поэтому в приписке — перевод на русский язык.

Председатель колхоза имени Сталина Н. Ф. Лыскин (Ставропольский край).

Фото Я. Рюмкина.

Колхоз имени Сталина Вурнарского района Чувашской АССР. Комсомолка Шура Олюнина работающая в молодежном звене по кукурузе. Звено вырастило по 754 центнера зеленой массы с гектара.

Фото А. Скурихина.

Группа телескопостроителей. Справа налево: оптик М. А. Степанов, конструктор телескопа Б. К. Иоаннисиани, инженер М. А. Уханов, механик К. К. Шулепов.

Фото В. Джейранова.

НЕБО СТАЛО БЛИЖЕ...

Место рождения нового телескопа — Ленинградский государственный оптический институт, где этот прибор строился в течение нескольких лет. Но открыл глаза и увидел свет «новорожденный» далеко от Ленинграда — на горе Канобили. Этот свет был звездным светом южной ночи на исходе 1955 года.

Окончательный монтаж телескопа проходил непосредственно под куполом обсерватории.

Оптическая система нового телескопа изобретена советским ученым Д. Д. Максутовым. Такие телескопы строятся и у нас и за рубежом, но в этом телескопе самый крупный в мире мениск — диаметром в 70 сантиметров. Вес главного зеркала — 220 килограммов, трубы — 2 тонны, а в целом телескоп весит около 6 тонн. Важно, чтобы вращение всех подвижных частей телескопа происходило с точностью самых совершенных часов.

В одной из маленьких башен Абастуманской обсерватории стоит самый первый отечественный телескоп — 33-сантиметровый рефлектор. Он появился здесь в ноябре 1932 года. В Абастумани приехали три ленинградца и, поднявшись на гору в полуразрушенную башню, где когда-то наблюдал за звездами астроном С. П. Глазенап, установили привезенный с собою прибор.

Сейчас на горе Канобили раскинулся астрономический городок. Возвышаются над соснами голубые купола один другого выше. Под самым маленьким куполом стоит «старик», перенесенный из «башни Глазенапа».

В создании последнего телескопа участвовал большой коллектив. В телескопе около 3 тысяч различных деталей, одних лишь электромоторов 14.

Мы интересуемся оптикой телескопа, его «сердцем». Главное зеркало обработано с такой точностью, что допущенные отступления в тысячу раз меньше толщины человеческого волоса.

Чем же вооружает науку этот новый обитатель горы Канобили? Он в 160 тысяч раз усилил «зримость» человеческого глаза. Небо стало ближе!

Свыше трех месяцев длился монтаж. Телескопостроители уехали, и в башню зашли астрономы. Они сели за пульт и раскрыли астрономический ежегодник — «адресный стол» всех звезд. Одно нажатие кнопки — и труба сама послушно направляется на цель. Через темную щель купола в небо направлен новый зоркий глаз нашей планеты. И совсем рядом на вахте старый — однако не такой уж и старый! — «глаз» отца всех советских телескопов, которые есть и будут.

И. МЕСХИ

Буревестник

ИЗ РОМАНА В СТИХАХ «ДОБРОВОЛЬЦЫ»

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Великого времени гулкое эхо
Звучало в туннелях той юной порою.
К товарищу Горькому просят приехать
Ударниц московского Метростроя.
В парткоме волненье: девчата увидят
Его самого и Роллана на даче.
Ребята, конечно, немного в обиде,
Но Леле и Маше желают удачи.

Цветочного ветра прохладная ласка,
И щеки пылают в счастливой тревоге.
Расхлябанный «газик» — смешная коляска —
Несется по старой Смоленской дороге.
Летят, как в кино, перелески, пригорки,
И Леля бодрится:
— Держись, не теряйся!

И вдруг, словно книга ожившая,— Горький
Стоит на высокой открытой террасе.
Он в сером костюме, немного сутулый,
Рукою приветливо машет девчатам.
Усы они видят, и острые скулы,
И чистые искорки глаз грустноватых.
Над пепельным ежиком вьются несмело
Табачного дыма прозрачные нити.
— Приехали! Я оторвал вас от дела?
Но вы уж меня, старика, извините!

Тут Леля, как выстрелом, бахнула сразу
Еще из Москвы припасенную фразу:
— Мы прибыли к вам с комсомольским приветом,
Вы наш Буревестник!
Но Горький при этом
Такую гримасу состроил, что Леле
Пришлось перестраиваться поневоле.
А Горький сказал:
— Вы живете по планам,
И план нашей встречи я так намечаю:
Я вас познакомлю с Роменом Ролланом,
Потом посудачим немного за чаем,
Потом погуляем... Согласны, девицы?
(Но слово «девицы» звучало как «дети»).
Тут вышел навстречу старик тонколицый
И подал им руку в крахмальной манжете.
Хозяин подвинул плетеные кресла,
На стол положил он рабочие руки.
Расселись, и сразу неловкость исчезла,
И Леля, прильнув на мгновенье к подруге,
Скороговоркою ей прошептала:
— Ой, Маша, Роллана-то я не читала!

А Горький в мундштук заложил папиросу.
Как солнце сквозь дым, нашу жизнь осветили
Раздумьем пронизанные вопросы:
— Как будете жить? Как живете? Как жили?
И девушки стали рассказывать бойко
О том, как трудна была первая сбойка,
О том, как плывун отжимают в кессоне...
И видели ошеломленные гостьи,
Что Горький их жизни кладет на ладони
И словно сгребает в могучие горсти.

— А как у вас дружат, встречаются, любят?—
Спросил он у Маши. Но вместо ответа
Призналась девчонка, что в аэроклубе
Летать она учится целое лето.
И завтра ей прыгать. Конечно, впервые!
Боится ль? Не очень! Ну, самую малость...

— Да, девушки, вижу, что вы боевые,
И много вам счастья на долю досталось!
И Горький задорно взглянул на Роллана,
Как будто отец, представляющий дочек,
И хмыкнул неловко, достав из кармана
Батистовый, в крупную клетку платочек.

Накинув крылатку со львами из меди,
Роллан оставался бесстрастен и бледен.
Душа, очарованная навеки,
Чтó видел он в образе девушек наших:
Аннету Ривьер или новые реки?
Не знали об этом ни Леля, ни Маша.

Заранее кем-то был хворост подобран
И сложен в чащобе старинного парка.
И Горький, склонившись с улыбкою доброй,
Костер распалил, небольшой и неяркий.
Вокруг разместились хозяин и гости,
И каждый читал по-особому пламя,
Оно то суставы ломало со злостью,
То рдело цветочными лепестками.

Быть может, Роллану, укрытому тенью
Спокойной и чистой печали,
Как зримая музыка, эти сплетенья
Симфонией нового мира звучали?
Что Леля в извивах костра находила?
Одно лишь сиянье, одно лишь горенье
Открытой души своего бригадира,
А с ним — и всего поколенья.
А Маша... Зачем она в пламя смотрела?
Не стоило этого делать, быть может...
Зеленая ветка в костер залетела
И вспыхнула тоже.

...Ей Горький шепнул:
— Я решил почему-то,
Что вы оробели, смутились вначале,
И стал ваш рассказ о прыжке с парашютом
Неточным: небось, о любви умолчали?
Откуда он знает? И девушка сразу
Поведала Горькому в светлом восторге
О Славе Уфимцеве синеглазом,
Красавце, проходчике и комсорге.

Ах, Слава Уфимцев! Когда бы ты слышал
Признания эти! В земные высоты
Взлетел бы ты сердцем, наверное, выше
Предела, что могут достичь самолеты.

Вились над костром золотые извивы,
Сливаясь с вечерним сиянием зорьки.
И Леля поглядывала ревниво —
О чем это шепчутся Маша и Горький?

Однако к концу подходила беседа.
— Друзья! Расставаться не хочется с вами.
На шахту я к вам непременно приеду,
Хотя поругаться придется с врачами.
А Маше шепнул:
— Разговор между нами,
Я в этих делах молчаливей могилы.

В костре пробежало по веточкам пламя,
Темнея, теряя последние силы.

Как жаль, что так быстро окончилась сказка!..
И лица подружек задумчиво строги.
Расхлябанный «газик» — смешная коляска —
Несется в Москву по Смоленской дороге.

Дорога в Сакраменто

Озеро Тахо.

А. СОФРОНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Мы сидели в рыбном ресторанчике «Грот», в столице штата Юта, Солт Лайк-Сити, будучи гостями владельцев ресторана, супругов Вейтленман, поглощали креветок и крабов и вели глубокомысленные разговоры о преимуществе спиннинга перед обыкновенной удочкой и о преимуществе томатного сока перед шотландским виски. Последняя тема в безалкогольном штате Юта, основной массой жителей которого являются мормоны, вызвала особенно живое обсуждение. Хозяин ресторана Мильтон Вейтленман, еще молодой человек, женившийся после войны, но уже являющийся отцом шестерых детей, воспринял этот разговор как прямой намек.

— В ресторан можно приходить со своими напитками... Но по законам нашего штата продавать здесь мы не имеем права,— сказал он извиняющимся тоном.

Мы успокоили нашего радушного хозяина, сказав, что все мы, конечно же, предпочитаем томатный сок всем остальным напиткам в мире. И в этот момент произошло то, чего мы совершенно не ожидали. Вейтленман сказал:

— Господа, я прошу выделить из вашей среды человека, который сыграет в шахматы с чемпионом нашего штата.

Мы восприняли это как шутку:

— Что вы, среди нас нет шахматистов!

— Это невозможно, господа! Вашего представителя уже ждет в клубе шахматная общественность города. Наверно, в этот момент уже расставляют фигуры на шахматной доске...

— Но мы не шахматисты!

— Господа, отменить игру уже нельзя! — В голосе Вейтленмана чувствовались и железная решимость и нотки отчаяния: видимо, он дал клятвенное обещание доставить в клуб советского журналиста, играющего в шахматы.

Да, дорого обходились нам невинные креветки и томатный сок! Положение становилось критическим. Мы, словно впервые, рассматривали друг друга: кто из нас более походил на шахматиста? И вдруг взоры всех остановились на Николае Грибачеве. Он сидел, повязанный белоснежной салфеткой, в центре которой был нарисован большой красный краб.

— Николай, придется тебе...— нерешительно произнес Полевой.

Грибачев побледнел:

— Что вы, ребята?!

— Придется тебе, больше некому!— повторил уже твердо Полевой.

Видимо, Грибачев понял, что амнистии не будет.

— Хорошо,— сказал он,— я готов, но один не пойду...

— В шахматах секунданты не обязательны,— сказал кто-то.

— Один не пойду!

Полевой окинул взором всех нас:

— Кто?

Мы малодушно молчали.

— Хорошо,— сказал Полевой,— я сам поеду с Грибачевым.

Все облегченно вздохнули и шумно заговорили:

— Если будешь играть белыми, ходи от короля.

— Постарайся больше часа над ходом не думать: нам завтра рано вылетать, можешь опоздать к самолету.

— Ходи «Е2...».

— Ладно, ладно,— мрачно отвечал Грибачев,— «едва» я могу и сам ходить, без ваших советов.

Тут мы расстались. Грибачева с Полевым увезла голубая машина. Мы сели в другую и отправились в дом известного в штате Юта адвоката Роллингса, очень богатого человека, одного из руководителей демократической партии штата.

Мистер Роллингс встретил нас очень радушно. Он показывал нам свой новый, отлично сделанный дом. Водил из комнаты в комнату, демонстрируя мебель, отделку стен, все коммунальные службы. Кстати, американцы удивительно любят показывать свое жилье. Стоит переступить порог дома, как тебя потащат в кухню, ванную, не преминут показать и уборную. Все это делается без особого бахвальства, но со странной гордостью людей, для которых колер обивки мебели в гостиной представляет больший интерес, чем иногда полотна Рембрандта, а новая конструкция гаража может затмить архитектуру Лувра. Мы немало пересмотрели таких квартир за время нашей поездки по Америке. Многое в бытовом устройстве домов интересно, но иногда у нас появлялось чувство, что мы находимся не в обжитой квартире, а в витрине мебельного магазина, где со стульев и сервантов только что снята цена. Но это, как говорится, дело вкуса.

В этот же вечер, осматривая дом мистера Роллингса, признаюсь, мы были мыслями где-то там, возле шахматной доски, за которой сидел в это время выделенный нами «шахматист» Грибачев.

И хотя мистер Роллингс угощал уже не томатным соком и, рассматривая нас, пришел к заключению, что мы одеты, «как обыкновенные американцы» (это означало в его устах наивысшую похвалу, имея в виду, что о нас в Америке ходят легенды, согласно которым мы все одеваемся чуть ли не в униформу), все это нас мало трогало. Мы думали о той тяжкой участи, которая выпала на долю нашего товарища. Мы не очень долго задержались в доме мистера Роллингса. Погода испортилась. Днем светило солнце и было тепло, а сейчас пошел мокрый, тяжелый снег, засвистел ветер.

Возвращались мы в гостиницу с каким-то мрачным чувством. Кто-то в машине сказал:

— А вдруг он играл на десяти досках и все партии выиграл?

На шутку никто не отозвался. Мы нетерпеливо поднялись на второй этаж и робко постучались в номер Полевого.

— Войдите.

Вошли. Над букетом белых хризантем стоял Полевой и читал какую-то записку.

— Это *там* поднесли цветы?

— Нет, какие-то неизвестные люди прислали с пожеланиями счастливого пути.

— А как шахматы?

— Что шахматы?

— Ну, Николай как?

Полевой посмотрел на нас с удивлением.

— Выиграл, конечно,— сказал он так, как будто иного результата и не могло быть. — Пойдите поздравьте его.

Толпой мы ввалились в комнату Грибачева и застали нашего друга еще достаточно бледным.

— Не знаю, как это произошло, но мы оба дрожали, передвигая фигуры, а я едва произнес «мат королю», — говорил без улыбки Грибачев.

Мы вручили ему переходный приз нашей делегации — маленькую черную мышку со штопором вместо хвоста,— приз, который вручали время от времени друг другу по разным поводам: за лучший ответ на пресс-конференциях, за сочиненную в дороге песню или эпиграмму, а то и просто за остроумную шутку.

Утром на аэродроме, перед отлетом, мы посоветовали Грибачеву:

— Застрахуй свою жизнь, ты теперь представляешь особую ценность.

Грибачев, видимо, еще не отошел от вчерашнего шока. Он послушно подошел к автомату, кинул в него 50 центов и застраховал свою жизнь.

Так мы покинули штат Юта, перелетели невысокие горы и опустились в небольшом, но единственном в своем роде городке Рено, расположенном в штате Невада, на гербе которого обозначен шалфей. Но не этим целебным растением, так известным всем, у кого когда-либо раздувало щеку флюсом, знаменит этот штат и, в частности, город Рено.

В Рено мы пересаживались из самолета в автобус и через перевалы Сиерры-Невады должны были к вечеру приехать в столицу Калифорнии — город Сакраменто.

Фрэнк Клуккон, представитель государственного департамента США, высокий, худощавый человек, бывший журналист, человек, хорошо чувствующий юмор, видимо, решил преподнести нам несколько сюрпризов.

Остановка в Рено оказалась первым из них. На одном из рекламных плакатов прочли: «Рено — самый большой маленький

город в мире». Чем же он был примечателен?

Еще на аэродроме мы обратили внимание на стоящие в ряд автоматы, возле которых топталось несколько человек, методически бросавших в узкие щели мелкие монеты и внимательно смотревших на то, как перекатываются они по стальным желобкам. Из этих автоматов не выскакивали ни сигареты, ни шоколадки, ни бутылочки «кока-кола». Это были игральные автоматы — логическое завершение древней орлянки. Бывает, что брошенная монета толкнет другую, та — третью и на металлическое блюдечко с грохотом выскочит горсть монет. Твое дело — высыпать эту горсть в карман или снова, но уже с добавлением, прокидать ее в автомат.

Игральные автоматы — это, так сказать, визитная карточка города. В городе не заметно никаких промышленных предприятий, но, как нам сказали, финансовый оборот города немалый. Круглые сутки здесь открыты игорные дома. На дверях каждого из них плакат: «Ставки больше 25 тысяч долларов запрещаются». Так и вертятся двадцать четыре часа в сутки диски рулеток, шелестят игральные карты, звенят под лопаточками крупье серебряные доллары.

Почему же в этот довольно отдаленный город, воздух которого не обладает никакими целебными свойствами, город, вокруг которого нет никаких курортных озер, стекается столь большое количество любителей азартных игр? Ответ простой. Это единственный американский город, в котором, по конституции штата Невада, можно сравнительно быстро оборвать нити супружеской жизни. Прожил шесть недель в Рено, сообщил о своем желании расторгнуть брак — и без согласия другой стороны получай свидетельство. Вот и стекаются сюда со всей Америки люди по этой нужде. Люди, конечно, обеспеченные, обладающие солидным капиталом. И живут они в отелях по шесть недель, развлекаясь рулеткой и другими играми. Мы видели молодых женщин и разного возраста мужчин, фланирующих по пустынным улицам в полдень, когда автобус вез нас к центру города. Две блондинки стояли возле отеля. Сколько им еще осталось ждать?

Вдруг автобус резко остановился. Клукхон сказал:

— Господа, давайте посмотрим игорный дом в действии.

Мы сошли с автобуса. Из дверей заведения, не видя никого, вышел какой-то человек в пестрой ковбойке, с мутными глазами и побрел вдоль улицы. Мы посмотрели ему вслед. Клукхон сказал:

— Не удивляйтесь: рядовое явление.

Вошли в полутемный зал. У стен много игральных автоматов. В центре зала столы. Возле них с бледными лицами сидят молодые женщины, держа наготове карты. Тускло поблескивают столбики долларов. Зеленеют расчерченные на секторы поля рулеток. Посетителей немного. Клукхон сказал:

— Испытайте счастье.

— Опять? — упавшим голосом спросил Грибачев.

— Ну, кто-нибудь другой...

На нас с любопытством смотрели крупье: откуда свалились эти русские? Клукхон ободряюще улыбался:

— Обычное явление... Попробуйте!

Мы начали оглядывать друг друга. Выбор пал на Алексея Аджубея. Он подошел к столику. Получил несколько карт и — выиграл.

— Хватит! — сказал он и, оставив выигрыш на столе, направился к выходу.— Идемте на воздух.

Нас провожали удивленными взглядами: все-таки странные эти русские!

...И вот автобус, мягко покачиваясь, минует один квартал, другой... Игральное княжество остается позади. Мы смеемся: ничего себе город! В автобусе рождается четверостишие:

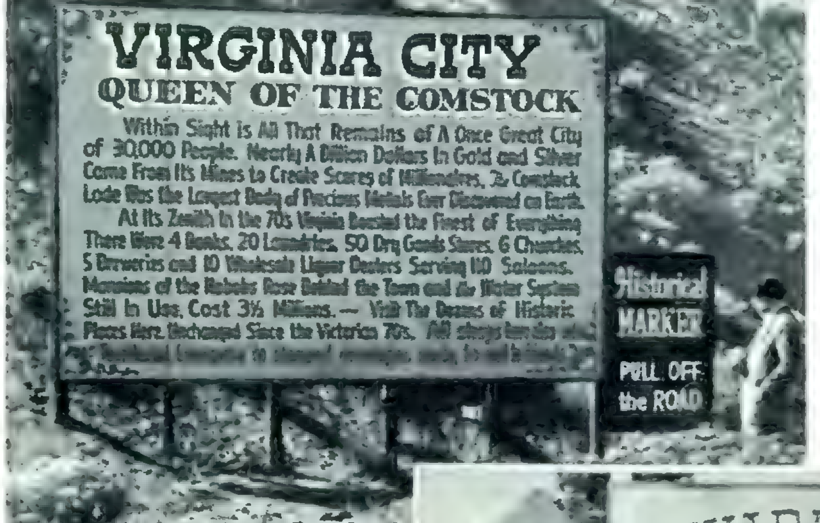
Пути любви в Рено ведут,
Здесь тайно страсти сходятся;
Здесь шесть недель в отеле ждут
И в пять минут разводятся.

Мелькают небольшие аккуратные ранчо, рассыпанные за городом. Наши спутники объясняют:

— А те, кому не по карману жить в отеле, снимают комнаты в этих ранчо и ждут шестинедельного срока. Владельцы ранчо сдают комнаты и одновременно занимаются скотоводством.

Действительно, по огороженным легкой деревянной оградой загонам бродили темнорыжие бычки и пестрые коровы.

Дорога шла в гору. Чем дальше от Рено, тем однообразнее пейзаж. Бурые кусты на серокоричневом фоне обрывов и склонов. Синеватые барьеры далеких гор. Поворот за поворотом, и вдруг на одном из них рекламный щит с надписью:



«ВИРДЖИНИЯ-СИТИ КОРОЛЕВА КОМСТОКА

Все, что охватывает вокруг взгляд,— это остатки некогда большого города с населением в 30 тысяч человек. Почти на миллиард долларов золота и серебра дали его рудники, породив множество миллионеров. Копи Комстока были крупнейшим месторождением драгоценных металлов из когда-либо открытых на земле.

В зените своего развития, в 70-х годах, Вирджиния славилась множеством прекрасных вещей: там было 4 банка, 20 прачечных, 50 галантерейных магазинов, 6 церквей, 5 пивоваренных заводов и 10 оптовых торговцев спиртными напитками, обслуживавших 110 трактиров. Поместья богачей росли вокруг города. Система водоснабжения, стоившая 3,5 миллиона долларов, действует до сих пор. Посещайте десятки здешних исторических мест, сохранившихся в том же виде, как в старинные 70-е годы. Во всех магазинах здесь продается также газета «Территориал энтерпрайз» в пакетах с марками, готовых для отправки друзьям».

«Территориал энтерпрайз»? Знакомое название. Начинаем вспоминать... Автобус мчится все дальше. Еще одно объявление: «Посетите музей Марка Твена. В этом музее есть стол, за которым он писал...»

Теперь все ясно. Это и есть второй сюрприз Фрэнка Клукхона. Мы едем в Сакраменто через Вирджиния-Сити, город, в котором в начале 60-х годов прошлого века в газете «Территориал энтерпрайз» работал в качестве репортера, а затем замещал редактора Сэмюэль Клеменс, именно здесь избравший себе псевдоним «Марк Твен». Это был действительно сюрприз. Мы благодарим Клукхона.

Рекламные надписи с двух сторон дороги. Чего только на них не написано! «Здесь находится знаменитый стол самоубийц»,— гласит одна из них.

Короткая, как фейерверк, история города полна драматических событий, известных нам по рассказам самого Марка Твена, по книгам других американских писателей, по многим американским кинофильмам. Может быть, в этих местах и родилась замечательная картина Чарли Чаплина «Золотая лихорадка»?

Золото в районе Вирджиния-Сити было впервые найдено в 1850 году одной из исследовательских партий, расположившейся на ночлег около реки Корзона. Несколько позднее золото обнаружили вблизи скалистых узких ущелий, называемых теперь Ворота дьявола. Весть о том, что в этих местах найдено золото, быстро распространилась. К Золотому каньону потянулись искатели счастья. Многие, потерпев неудачу в Калифорнии, спешили на новую, комстокскую жилу, прозванную Королевой.

В 1859 году около Шестимильного каньона обнаружили серебро. Началась серебряная горячка. Десятки тысяч человек в палатках и хижинах расположились в этом районе. Было размечено 14 тысяч земельных участков. Началось строительство города. К 1863 году в Вирджиния-Сити было уже 15 тысяч жителей. Какие только имена не вписаны в короткую драматическую историю города! Мы прочли их в рекламной пестрой книжечке: «...хладнокровный и внимательный Вильям Шарон, первый хозяин Жилы; Джон Маккей, ставший затем вождем Большой Четверки; Эмми Оррум, вышедшая замуж за Санди Боуэрса и ставшая королевой Комстока; Джули Буллет, святая рудокопов и самая знаменитая куртизанка, убийство и похороны которой, а затем суд и повешение Джина Миллиана явились знаменательными в истории города; Виллиам Райт, известный как Дан де Квилл, откровенные и правдивые рассказы о рудокопах которого создали этому району мировую известность; его молодой ученик Сэмюэль Клеменс, ставший вскоре известным как Марк Твен».

Вот он, оказывается, каким был этот город, в котором молодой Марк Твен начинал свою писательскую карьеру.

Город пережил два больших пожара. Во время одного из них, в 1869 году, в шахтах погибло много рудокопов. Но город продолжал жить. Работали салуны «Ведро крови», «Дельта» и «Медная рельса». Гремел бар «Золотой лист», а на театральных подмостках шли собачьи бои и ставились шекспировские трагедии. В октябре 1875 года в северной части города случился второй большой пожар. Дул сильный ветер. Рвы вокруг зданий не могли остановить пламя. Наконец пожар утих.

Но золотая жила Комстока дей-

На границе штата Невада.

Дом, в котором помещаются газета «Территориал энтерпрайз» и музей Марка Твена.

ствовала еще несколько лет. И вдруг иссякла...

На этом, собственно, и кончилась история комстокских рудников, давших за период около тридцати лет на один миллиард долларов золота и серебра, а сам город, как эпически сообщает справочник, «вступил в фазу увядания».

— Я хочу вас познакомить с моим другом Люшесом Биби, нынешним редактором и издателем газеты «Территориал энтерпрайз»,— сказал Клукхон, когда мы сошли с автобуса, остановившегося на Кристальной улице, напротив двухэтажного кирпичного здания газеты, в котором расположен сейчас музей Марка Твена.

Пустынно было в городе. Яркие вывески салунов, носивших те же названия, что и в период бешеного расцвета, как-то контрастировали с тишиной, которую лишь изредка прерывал шум проскочившего мимо автомобиля. Около магазинов стояли не очень искусно сделанные из дерева рекламные фигуры индейцев. В окнах красовались дешевые и дорогие сувениры. Судя по их количеству, целая отрасль промышленности работала на туристов, заполняющих в летние месяцы старые гостиницы Вирджиния-Сити. На небольшой площади возле «Территориал энтерпрайз» стояло несколько открытых колясок, напоминающих музейные экспонаты старого города золотоискателей.

Мы смотрели на широкий балкон, подпертый снизу четырьмя прямоугольными колоннами. Показалось, что вот сейчас откроется дверь и на балкон выйдет Марк Твен посмотреть, что происходит в городе. Но Марк Твен не вышел. Из темной двери нижнего этажа появился высокий человек в широком черном сомбреро. Левой рукой он держал за ошейник рыжевато-белого сенбернара. Это и был Люшес Биби, бывший нью-йоркский репортер, специализировавшийся на описаниях ночной жизни Нью-Йорка. Позже он выпустил об этом книгу, сколотил некоторую сумму денег и вместе с сыном одного миллионера купил газету «Территориал энтерпрайз». Вместе они занялись коммерческой деятельностью, реставрируя различные заведения города по выкройкам прошлого века.

Люшес Биби подошел к нам. Мы поздоровались.

— Это те самые русские парни,— сказал Фрэнк,— о которых я тебе говорил по телефону.

Люшес Биби пригласил нас в музей:

— Вам, вероятно, будет интересно...

— Еще бы!

Кто-то из нас спросил, как зовут сенбернара.

— Господин Тибо, — ответил Биби.

Мы направились в музей. Господин Тибо шел за нами, тяжело переваливаясь с лапы на лапу. Собака была внушительная.

Типография, редакция и музей вместе с ними помещаются в подвале. Вот он и стол Марка Твена. На нем лежат толстые пожелтевшие справочные книги.

Указывая на кресло, Биби сказал:

Его кресло. Здесь, вы знаете, он всегда писал любопытные, смешные истории... Известен ли он у вас?

Мы заулыбались. Виктор Полторацкий несколько торжественно ответил:

— Могу вам сообщить, дорогой мистер Биби, что сочинения Марка Твена изданы в Советском Союзе тиражом в 8 миллионов экземпляров, и это только художественные издания... Вот так...

— Восемь миллионов?!.

Биби недоверчиво посмотрел на нас, не опровергнет ли кто версию Полторацкого. Но опровержения не последовало.

— Да-а!— сказал Биби.

— А сколько издано в Америке?

— Право, не могу сказать... Но много, очень много... А вот это наборные кассы... А вот это печатная машина,— перевел разговор Биби.

Все здесь было интересно для нас: и сама история города, и пейзаж, и старенькие каменные и деревянные домики, и, наконец, этот дом Марка Твена. Забыты все «святые и куртизанки рудокопов», все предприимчивые головорезы, когда-то составившие состояния на добыче золота и серебра, а имя молодого в ту пору репортера Сэмюэля Клеменса — Марка Твена — выбилось из типографского подвала и стало собственностью не только маленького музейного городка, затерянного в предгорьях Сьерры-Невады, но и достоянием всего человечества.

Мы стояли около старой наборной кассы и с какой-то особенной ясностью вспомнили слова Марка Твена, сказанные им в 1905 году: «Мои симпатии, разумеется, на стороне русской революции». Да, конечно, разумеется, ибо Марку Твену принадлежат такие простые и такие современные слова: «Мир, счастье, братство людей — вот что нужно нам на этом свете».

Мы понимали, что стоящий перед нами полный, высокий человек с усталыми, как нам показалось, не от трудов праведных, глазами, картинно одетый в полуковбойский костюм, с широким черным сомбреро в руках, не столько продолжал литературное дело Марка Твена, сколько делал свой бизнес, и скорей всего делал бизнес. И все же то, что он сохранял дом, напоминающий о замечательном американском писателе, наполняло наши сердца благодарным чувством к этому человеку.

Люшес Биби взял со стола несколько экземпляров только что

Mark Twain's Newspaper

TERRITORIAL ENTERPRISE

Old Frontier Lives Again As Culture Engulfs Cody

That Was the West

отпечатанной газеты «Территориал энтерпрайз».

— Возьмите на память о посещении дома Марка Твена.

Не очень большая газета, в заголовке которой стоял портрет Марка Твена, издается, видимо, на потребу скучающим туристам и заполнена различными анекдотами, юмористическими происшествиями и рекламными объявлениями вроде такого: «Попробуйте любимую водку Генри Клея «Олд кроу», теперь более мягкую, по пониженной цене. Век назад прославленные американцы находили удовольствие в «Олд кроу». Сегодня «Лучшая из водочных марок» доступна всем. Более легкая, мягкая, дешевая, 86-градусного разлива, как дополнение к исторической 100-градусной». Среди объявлений можно встретить и текст «исторической справки» об уровне типографского дела газеты «Энтерпрайз»: «В том году, когда зарисовка Марка Твена впервые

Вирджиния-Сити.

появилась на ее страницах, «Энтерпрайз» купил за границей самую первую, с паровым двигателем, печатную машину, до того невиданную в Неваде. Появление первой такой машины сопровождалось некоторым беспорядком. Чтобы отметить новшество, в печатных цехах откупорили бутылки, и это, в соединении с плохим знакомством с машиной, надолго задержало выход газеты».

Мы вышли на улицу. Люшес Биби предложил нам попробовать «более мягкую, 86-градусного разлива водку Генри Клея».

— О, нет!.. У нас еще впереди большая дорога до Сакраменто!

— Ну шампанского?

Мы зашли в один из салунов — старый ресторанчик, где стояла мебель XIX века, висели хрустальные, позолоченные люстры, а на стенах было развешано немало старых картин вперемешку с пожелтевшими афишами. Только стойка бара была абсолютно современна, с полным набором напитков, доставленных сюда почти из всех стран мира.

Прощаясь, мы попросили Люшеса Биби сообщить читателям о том, что в Вирджиния-Сити приезжали советские журналисты.

— Хорошо,— сказал издатель «Территориал энтерпрайз».

Он выполнил свое обещание. Уже в Вашингтоне мы получили газету, в которой сообщалось о нашем приезде в Вирджиния-Сити и о том, что в Советском Союзе сочинения Марка Твена изданы тиражом в 8 миллионов экземпляров.

В последний раз мы посмотрели на красный двухэтажный домик, на балкон, возле перил которого некогда стоял Марк Твен. Автобус тронулся... И уже скоро скрылись из глаз небольшие домики Вирджиния-Сити. Дорога шла в гору.

Снова замелькали серобурые склоны, поросшие кустарниками. Но вот справа мелькнул заброшенный, но оставленный в неприкосновенности прииск. За ним другой... третий... Желтая глина. Полусгнившие бревна.

Короткая остановка в маленькой столице штата Невада — городе Карсон-Сити. Завтрак в ресторане «Самородок», в витрине которого, подсвеченные электрическим светом, лежат «золотые слитки», а на потолке висит люстра, сделанная в форме паровозного колеса. Это тоже дань истории, память о первой железной дороге, проложенной в Неваде. На столах стоят красные, зеленые, синие парафиновые свечи. Они зажигаются по вечерам. Все для туристов! Кончилась комстокская жила, но потомки старых завоевателей Сиерры-Невады вывели эту жилу на поверхность, приспособили к середине XX века и продолжают старательно разрабатывать ее.

За Карсон-Сити начинаются высокие сосновые леса. Они обступают крутую горную дорогу. На высоте 7 тысяч футов засинело окаймленное темнозеленой рамкой озеро Тахо. Яркое солнце серебрило его воды.

От озера Тахо дорога пошла вниз. Слева от нас ревела на камнях река. На стыке штатов Невада и Калифорния, возле небольшого домика, автобус остановился. Проверяют, не везем ли мы в фруктовый штат Калифорнию каких-либо злокачественных жучков. Это, так сказать, «санитарный кордон» местного значения.

Автобус катится узкой долиной Сакраменто, мимо садов и маленьких шумных городков, подступающих к самой дороге. Рухнуло где-то за лесом пылающее солнце, и уж совсем в темноте мы въезжали в сверкающий огнями Сакраменто.

В отеле «Сенатор» нас обступили репортеры. Какие только вопросы они не задают нам!

— Любят ли в Советском Союзе азартные игры?

— Есть ли у вас игорные дома?

— Читали ли вы рассказ Марка Твена «Прыгающая лягушка»?

— Знают ли в России Марка Твена?

Щелкают фотоаппараты, вспыхивают лампочки. Мы отвечаем на вопросы. А потом сами спрашиваем шутя:

— Скажите, а у вас здесь нет боя быков?

Журналисты озадачены:

— Нет, конечно... А что такое?

Мы оглядываем друг друга:

— Просто нам трудно было бы выделить из нашей среды еще и тореадора.

Утро в Сакраменто.

К ГАСТРОЛЯМ ТРУППЫ „ЭВРИМЕН"

...Тихий летний вечер на улице Морского Кота в портовом квартале Чарлстона — небольшого городка в Южной Каролине. Негритянка Клара на балконе своего дома укачивает ребенка, напевая колыбельную песенку. Внизу, на площадн, как обычно в этот час, собираются на очередную партию в кости любители азартной игры. Среди них грузчик Кроун, его подружка Бэсс, приехавший из Нью-Йорка в поисках наживы торговец коканном по прозвищу «Ловкач» («Спортин'Лайф»). Здесь же в своей тележке калеканищий Порги, который давно любит Бэсс...

Так начинается опера «Порги и Бэсс» известного американского композитора Джорджа Гершвина (1898—1937). Эту оперу скоро покажет на гастролях в Ленинграде и Москве труппа «Эврimен опера».

Немало споров велось и ведется в США и в Европе о характере творчества Гершвина. Многие считают его музыку джазовой. Гершвин не писал специально для джаза, но в своем творчестве широко использовал ритмы и мелодии народной амернканской, главным образом негритянской, музыки, которые пытается использовать также и современный джаз.

«Порги и Бэсс» — рассказ о тяжелой, полной лишений жизни бедноты старого портового квартала в Чарлстоне, рыбаков, грузчиков, бродячих торговцев. Действие происходит, как указывают авторы оперы, «в прошлом», но горести и радости жителей улицы Морского Кота, полная драматизма история Порги и Бэсс волнуют зрителя и теперь.

В основу оперы положен роман американского писателя Дюбозе Хейворда об обездоленном бедняке Порги. В 1927 году автор создал на основе романа пьесу «Порги», которая шла с большим успехом в театре на Бродвее. Пьеса пронзвела сильное впечатление на Гершвина, увидевшего ее впервые в 1934 году. При помощи Хейворда, составившего либретто оперы, талантливый композитор, широко используя местный фольклор, создал свое произведение.

Поставленная впервые в 1935 году, опера почти не имела прессы и вскоре была забыта. Зато новая постановка этой оперы в 1942 году имела колоссальный успех.

В составе американской оперной труппы «Эвримен», которая поставила оперу Гершвина, центральные роли исполняют актеры-негры. В ролях Бэсс, Порги, Кроуна и «Ловкача» по очереди выступают несколько артистов. Всего же в труппе «Эврнмен» около 60 певцов.

С большим успехом гастролировала труппа «Эвримен» в театрах Вены и Берлина, Лондона н Парижа, в городах Италии, Югославии, Греции, Испании, побывала в Буэнос-Айресе, Рно-де-Жанейро. Более года труппа провела в турне по крупным городам Соединенных Штатов и Канады.

Предстоящне гастролн этой талантливой труппы в СССР и показ ею оперы Джорджа Гершвина «Порги и Бэсс» вызывают огромный и понятный интерес советских зрителей.

Г. БОГЕМСКИЙ

Дуэт Порги и Бэсс.

Исполнительницы роли Бэсс: Этель Айлер ↑ и Марта Флоуерс ↓

Исполнители роли Порги:

Лесли Скотт,

Ирвинг Барнес,

Леверн Хутчерсон.

Сюзи

Лев ЛУБНИН

Рисунки Ю. Андреева.

Аспирант сельскохозяйственного института Сеня Сорокин одиноко сидел на койке в комнате общежития и раздумывал, пойти ли ему на новогодний бал в институтский клуб.

Вдруг, как от порыва бурного ветра, распахнулась дверь, и из темноты коридора раздался бодрый баритон:

— Приветствую вас в самой категорической форме!

В комнату ворвался высокий мужчина с длинным лицом, большим носом и прыщеватыми щеками. На распахнутой шубе, на шапке, сдвинутой набекрень, на ярком малиновом галстуке, который вылез из положенных пределов, сверкали снежинки.

— О, да ты, Семен, один! Ну что сидишь, словно проглотил вставную челюсть?.. Не одет, не брит, одна нога в ботинке, на другой дырявый носок! Не заболел ли ты коровьей меланхолией или там каким-нибудь, как это по-вашему, овечьим энцефалитом, что ли! «Не узнаю Василия Грязнова...»

Вошедший был режиссером кукольного театра и, кроме того, что гораздо важнее, братом Сюзи. Той самой Сюзиньки, которая... на которой... Одним словом, он был братом той самой Сюзиньки, которую Сеня безнадежно любил, на которой хотел жениться и... с которой не разговаривал уже целый год.

— А ну, вставай, рак-отшельник, приводи себя в порядок, соскребай тину и плесень! Живо! — кричал режиссер, включая плитку.— Я, брат, к тебе как вестник радости и счастья! Поедем к нам встречать Новый год!

Сеня улыбнулся, но решительно покачал головой:

— Спасибо за приглашение, но никак невозможно мне к вам поехать. Незачем!

— Что? Это не потому ли, что в прошлом году Сюзи погнала тебя с твоим предложением? Эх, до чего же ты несообразителен, а еще ученый муж! Пора понять, что «сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая»,— пропел он фальшиво.

Сеня пожал плечами и отвернулся к стене.

— Ну, нет! Так не пойдет! Мне приказано привезти тебя, так сказать, во всей жениховской форме! — Он схватил Сеню за плечи и вполголоса загудел ему в ухо:— Да пойми, чертушка, что человек ведь растет! В прошлом году Сюзи была глупа и капризна, как ребенок, не разобралась в своих чувствах... А теперь повзрослела, институт кончает и поняла, что она тебя только и любила и любит. Тоскует сестренка — страшно смотреть! А ты, чурбан, безжалостный: «Не пойду!» Как же так? Никак невозможно не поехать!

Уши, щеки и шея Сени покраснели, но он вновь отрицательно покачал головой:

— Не поеду!

— Нет, врешь, поедешь! Сейчас я тебе аргументик представлю, самый веский для сердец влюбленных.

Он, напевая, пошарил в кармане пиджака и вытащил голубой конверт. Прочтя письмо, Сеня расплылся в улыбке, его глаза засияли, он рванулся к шкафу и развил бурную деятельность: искал запонки, подглаживал воротничок рубашки, завязывал галстук. Режиссер помогал ему, приговаривая:

— Я ведь официальное лицо! Так сказать, сват! Так что меня надо уважать, слушаться и подчиняться... Не забудь подарок невесте купить.

Сеня вспомнил, что у него мало денег, но режиссер благодушно заявил:

— Ничего, для такого случая я дам взаймы. Только, смотри, отдай четвертого, как из пушки.

Они взяли такси, долго ездили по магазинам, но не могли найти ничего подходящего. Наконец Сеня купил обыкновенный туалетный набор, костяной веер, позолоченный браслет с тусклым камнем и две бутылки шампанского. Он покупал еще какие-то мелочи без всякого разбора, потому что был простодушен, счастлив и сильно любил.

Когда приятели поднимались по лестнице на третий этаж, Сеня вдруг почувствовал дрожь в коленях и странную неуверенность. Как-то будет держать себя Сюзи? Что она скажет ему и как все объяснит?..

Но неожиданно объяснение оказалось таким простым и легким, таким милым, словно между ними никогда не было размолвки.

Освободившись в прихожей от кульков, пальто и галош, он вдруг увидел в полутьме ее мерцающие глаза, услышал шепот, и мягкая рука Сюзи обняла его за шею.

— Сенька, милый, пришел! А я так боялась, что не придешь... не простишь!

И он снова ощутил нежный запах ее волос, целовал, как год назад, ее руки, губы, кончик уха, ямочки на щеках. И как-то само собой получилось, что говорила не Сюзи, а он объяснял ей, как он любит ее, как мучился целый год, узнав, что она встречается с этим директором комиссионного магазина... Борисом Назаровичем, кажется, и как теперь счастлив, бесконечно счастлив! Сюзи молчала и только порывисто прижималась щекой к его пиджаку. Так они и стояли среди шуб, вдыхая запах влажного меха и нафталина, пока режиссер не крикнул из комнаты:

— Передняя — не место для влюбленных! Приступим к официальной части!

— Пойдем знакомиться с моим папашей. Он у меня милый чудачок... А маму ты знаешь?

В ярко освещенной комнате у большого стола хлопотала дама с тонким, птичьим лицом и негнущейся жилистой шеей.

— Проходите, Сенечка. Я вам рада! — пропела она, улыбнувшись, и при этом так сложила накрашенные губы, словно клюнула что-то в воздухе.

А папаша, невысокий человечек в старомодном сюртуке с блестящими лацканами, крепко пожал ему руку и сказал густым басом:

— Привет избраннику сердца моей дочери, единокровной, единоутробной! — Он похлопал дочь по плечу, потом подмигнул Сене черными бровями, из которых одна была значительно выше другой, и вдруг пустил громоподобный смех: — Ох, хо-хо-хо!

Вздрогнул стеклярус на люстре, от неожиданности вздрогнул и Сеня, а папаша улыбнулся и сказал о себе в третьем лице:

— И он раскатился сочным смехом...

Когда усаживались за стол, папаша смешно приговаривал:

— Аще ясте, аще пиете — все во славу божию творите... Восприемем благ, перед нами расположенных!..

«Да, чудило!» — подумал Сеня, глядя, как этот человек с мешками под глазами и красными жилками на носу потирает руки, наливая по второй рюмке коньяку.

Сене было хорошо, потому что рядом сидела Сюзи. Он чувствовал ее плечо, а вьющийся локон щекотал ему щеку.

— Отец Феодорит велел повторить,— чокнулся с ним папаша.

После третьей рюмки Сене стало весело, все показалось милым и близким. Он смотрел в зеленоватые глаза Сюзи, и ему хотелось говорить о том, как они будут жить после свадьбы...

Но все назойливее гудел бас будущего тестя:

— Значит, теперь, молодой человек, кандидатские экзамены вы закончили. Осталось диссертацию написать. Похвально! Впереди у вас верная дорога и обеспеченность! Препохвально! Я ведь тоже в некотором роде кандидат-с. Во время óно духовную академию окончил. А теперь в художественной артели подвизаюсь. Агент по распространению увеличенных фотопортретов и ретушер-с... Хо-хо-хо!.. Вот дочь воспитал, красавицу. А ее у меня отнимают! Уже распределили выпускников-то. И куда бы вы думали? В район, в деревню-с, колхозным агрономом! Нет, не выйдет! Чтобы мою Сюзиньку — да во сонмище козлищ! Не пущу!

— А как же иначе? — удивился Сеня.— Она ведь агроном, значит, и работа для нее только в колхозе. Не так ли, Сюзи?

Но Сюзи в это время накладывала на тарелку кусок пирога и ничего не ответила.

— Во сонмище козлищ! Не пущу! Ни-ни! — кричал папаша, размахивая ножкой курицы и выплевывая на скатерть непрожеванные кусочки винегрета.

Сеня машинально выпил протянутую режиссером рюмку и спросил:

— Как же вы это сделаете? — Он спросил просто так, из вежливости. Голова сильно кружилась, и слова тестя почти не доходили до его сознания.

— Хо-х-х-о! А вы на что? Оформим поскорей свадебку, тогда не пошлют! Семью разбивать не будут. Дудки-с!

— А я думал построить нашу семейную жизнь иначе. Я ведь тоже уезжаю. И путевку получил. На Алтай. Там, и только там, я смогу накопить уйму интересных наблюдений и написать хорошую работу... Я думаю, нетрудно будет добиться, чтобы Сюзю отпустили со мной. Она агрономом, а я главным зоотехником совхоза. Вместе и поедем! — Сеня говорил громко и восторженно.— Не так ли, Сюзи?

Он хотел прикоснуться к ее плечу, но рука опустилась на хо-

лодную спинку стула. Сюзи стояла рядом с матерью и смотрела на него холодными зелеными глазами; ее пухлые губки чуть заметно вздрагивали...

— Романтика, мальчишество! — услышал он.

Кто это сказал? Сюзи? Нет, Сюзи молчала... Это сказала ее мать. Все подошли к Сене, стали подливать вина и без конца твердили, что он не понимает реальной жизни.

— Да пойми же, чудак,— втолковывал режиссер, и при каждом слове его нос бойко двигался вверх и вниз,— что там ты будешь один среди малограмотных недоучек! Кто тебе даст консультацию? А здесь тебя знает научный мир. Здесь ты запросто защитишь диссертацию.

— Нет, в городе нам с Сюзи делать нечего.— Сеня очень близко от себя увидел черные брови папаши (он что-то говорил, брызгая слюной), жилистую шею матери с желтыми бородавками, и ему захотелось оттолкнуть от себя все эти лица, чтобы ближе увидеть Сюзи. Но она стояла далеко... и молчала.

— И что еще нужно этому юноше? — услышал он голос матери.— А гнездышко? Какое мы гнездышко приготовили!

Родители подхватили Сеню под руки и потащили в соседнюю комнату. Там он увидел пианино, ковры, пузатый комод... и на нем большую фарфоровую копилку в виде пузатого уродца с выпученными глазами. По блестящему животу уродца вилась надпись: «Копейка рубль бережет». Папаша цепкими пальцами держал Сеню за кисть руки и повторял, напевая:

— Вот вам гнездышко, здесь и будете жить!

Сеня резко выдернул свою руку из липких пальцев старика, оттолкнул плечом режиссера, и ему захотелось схватить пузатого уродца и ударом об пол разбить его вдребезги.

Но раздался звонок, Сеню оставили одного. «Гнездышко» качнулось и поплыло в сторону. Сене стало противно и тошно, он вышел на кухню и долго держал голову под краном.

Когда через несколько минут он вернулся в комнату, там никого не было. Через открытую дверь «гнездышка» была видна Сюзи, примерявшая перед зеркалом чернобурку. Рядом с Сюзи стояла мать, и неожиданно Сеня заметил, что Сюзи очень похожа на мать, и лицо ее такое же птичье.

Пройдя в прихожую, Сеня увидел на столе большую коробку и на ее крышке короткое письмо, отпечатанное на машинке: «В честь Нового года примите от меня этот подарок и не сочтите за труд сообщить, смогу ли я вас навестить сегодня после «приема». Остаюсь с надеждою уважающий и любящий вас Борис».

Когда Сеня спускался по лестнице, вверху хлопнула дверь, и раздался голос Сюзи:

— Сеня, Сенечка! Куда же ты? Вернись!..

Затем он услышал, как кричал режиссер, топоча вниз по ступенькам:

— Семен! Да вернись! Вот чудило... Беда с этими учеными...

Сеня шел по ярко освещенной улице, и ему было так нехорошо, будто он выкупался в липкой грязи...

Е. Ведерников

— Занято?!

Ф. Нерьев

«УРОК ЖИЗНИ».

В. Черников

Приходи на свиданье — без опозданья!..

Изошутка В. Жаринова

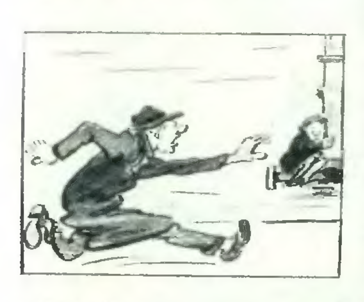
В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ.

Ю. Узбяков

Суд над камнем

ЛИМ СИАМ-ТЕК

. . . .



. . . .

— Извини, дорогой: я тебя принял за своего сына.

А. Ковригин и В. Жаринов.

Жил когда-то на свете китайский судья Пао Чанг, который завоевал неувядаемую славу своей проницательностью. Как бы ни было сложно дело, которое ему приходилось разбирать, он всегда находил справедливое решение, и люди уважали его за мудрость и справедливость.

Рассказывают, что однажды судья Пао увидал у дороги мальчишку, который горько рыдал. Он подошел к нему и ласково спросил:

— Отчего такие слезы, паренек?

Всхлипывая, мальчик рассказал свою историю. Он жил в соседней деревне и был очень беден. Его мать пекла оладьи, а он ходил продавать их. Сегодня утром он распродал всю корзину оладьев и, положив в нее вырученные деньги, поставил корзинку на камень у дороги. Когда же он собрался домой, то деньги исчезли, их украли!

Указывая на плоский валун, судья Пао спросил:

— Это тот самый камень?

— Да, ваша милость,— ответил мальчик.

— Наложить арест на этот камень! — приказал судья своим помощникам. А мальчику он сказал: — Сейчас ты можешь идти домой, мой милый. Но обязательно приходи ко мне в суд завтра утром. Я попытаюсь найти твои пропавшие деньги.

На следующее утро жители деревни целой толпой явились к дому судьи Пао. Они услышали, что знаменитый Пао будет судить камень, который украл у мальчика деньги.

Необыкновенный суд начался.

— Именно этот камень украл твои деньги? — спросил судья Пао мальчика.

— Да, ваша милость,— ответил мальчик.

— Тогда назначаю этому камню-вору пятьдесят ударов бамбуковой палкой,— произнес судья Пао весьма важным голосом.

Немедленно вперед вышли два солдата с плоскими бамбуковыми палками и начали экзекуцию.

Все смеялись над странным правосудием.

Судья Пао поднялся и закричал на толпу:

— Своим смехом вы наносите оскорбление высокому суду! Мне придется наложить на вас штраф! Каждый, уходя, должен бросить монету в кружку!

Как только судья сказал это, слуги вынесли кружку с водой и поставили ее у ворот.

Люди выходили молча, и каждый бросал свою штрафную монету в кружку.

Когда последний человек бросил в кружку свою монету, судья Пао вскочил и закричал:

— Арестуйте этого человека! Он вор!

Вы догадываетесь, как славный судья узнал преступника? Когда этот человек бросил в кружку свою монету, то на поверхности воды вдруг появились полоски жира. И судья понял, что эта монета лежала в корзинке из-под жареных оладьев.

Перевела А. ЛЕВИНА.

«Следопыт»

В редакцию «Огонька» поступает много писем-откликов на очерки Евг. Рябчикова «Следопыт» (№№ 42, 43, 44 и 46). Пишут рабочие и колхозники, военные и студенты, а больше всего школьники. Образ бесстрашного пограничника, верного сына Родины Никиты Федоровича Карацупы полюбился самым разным кругам советских читателей.

«Восхищен действиями настоящего героя. Именно таким должен быть каждый советский гражданин»,— пишет подполковник А. С. Сагинашвили (Тбилиси).

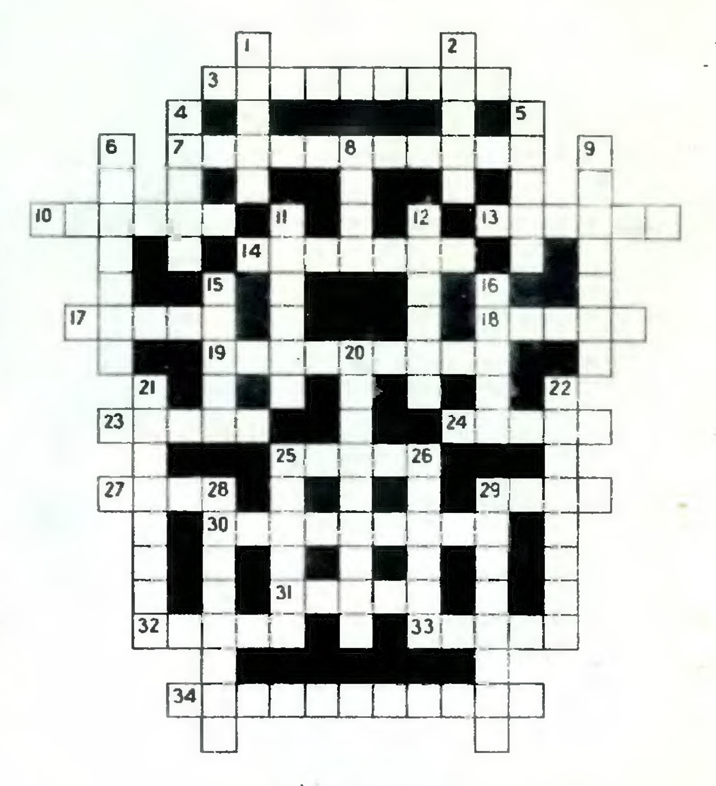
Абдугами Абдуазимов (Сталинабад) считает, что благодаря таким людям, как Карацупа, «растет уверенность в прочной охране советских границ».

«Бесстрашный пограничник», «символ героизма и беззаветного служения Родине» — так называют Карацупу студентка А. Цибизова (Ташкент), директор школы А. Сивков (Молотовская область) и другие.

«После окончания десятилетки пойду в погранвойска»,— решил ученик 7-го класса Вячеслав Пчельников (Мурманская область).

Многие читатели завязали переписку с Карацупой. Славному пограничнику, надо полагать, придется не раз выкраивать часок—другой на чтение писем и на ответы...

КРОССВОРД



По горизонтали:

3. Стремление к сохранению мира. 7. Массовое спортивное соревнование. 10. Избрание путем голосования. 13. Трагедия В. Шекспира. 14. Наградной документ. 17. Доля, норма. 18. Население государства. 19. Официальное сообщение. 23. Руководитель факультета. 24. Приток Ангары. 25. Одна из сторон здания. 27. Столица государства в Азии. 29. Народный поэт-певец. 30. Законодательный орган некоторых государств. 31. Масло, используемое при изготовлении красок. 32. Точка небесной сферы. 33. Сельскохозяйственная работа. 34. Способ прививки деревьев.

По вертикали:

1. Государство в Азии. 2. Автомобиль. 4. Марксистская газета. 5. Пастух. 6. Советская шахматистка. 8. Мельчайшая частица химического элемента. 9. Испытательная площадка. 11. Английский авианосец. 12. Редкий химический элемент. 15. Чайный район в Грузии. 16. Река в СССР. 20. Государство на Балканском полуострове. 21. Полупрозрачный минерал. 22. Злак. 25. Минеральная масса или изделия из нее. 26. Способ осушения почвы. 28. Участок для конноспортивных соревнований. 29. Спортивные упражнения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

7. Анатом. 9. Ергени. 10. Прирост. 11. Юнак. 12. Луза. 13. Призвание. 15. Декарт. 17. Кровля. 19. Бурат. 21. Кафедра. 22. Пловдив. 24. Цзинь. 25. Мятлик. 28. Скаляр. 30. Кантилена. 31. Бьеф. 33. Брут. 34. Бенарес. 35. Марабу. 36. Тугрик.

По вертикали:

1. Знание. 2. Шток. 3. Импорт. 4. Метчик. 5. Угол. 6. Анизол. 8. Траверз. 13. Прицепщик. 14. Ершоватка. 16. Каламит. 18. Валидол. 19. Борец. 20. Телль. 23. Мичиган. 26. Яньтай. 27. Камбуз. 28. Снасть. 29. Якутия. 32. Фиал. 33. Бега.

Два письма из Англии

Редакция получила два письма из Англии в связи с напечатанной в «Огоньке» «Одой шотландскому пудингу Хаггис» Роберта Бернса в переводе С. Маршака.

Читатель из Кембриджа, извинившись за нетвердое знание русского языка, пишет:

«Меня обрадовало то, что в № 42 «Огонька» вы опубликовали несколько новых переводов из Роберта Бернса, но меня ужаснуло то, что ваш артист В. Высоцкий никогда не увидел шотландского хаггиса. Изображенный на рисунке его пудинг совсем не похож на хаггис!

...Состоит он из сердца, легких и требухи барабана, теленка или другого животного, которым прибавлены лука, овсяная мука, и соль. Служит наружной кожей пудингу желудок того самого животного таким образом, что совершенный хаггис похож на мой рисунок.

Хаггис потом варится. Вкусен ли он, я уверно не знаю; только шотландцы едят его; я — англичанин.

С искренним почтением
Ф. ТОУЭРС».

Второе письмо — из Лондона:

«К редактору «Огонька»: Как шотландец я считаю своим народным долгом указать вам на одну важную по крайней мере для всех шотландцев — ошибку...

Жалоба моя относится к... переводу «Оды шотландскому пудингу Хаггис». Про перевод я ничего не имею сказать. Господин Маршак, по моему, хорошо переводит все, что можно переводить с одного языка на другой, одновременно сохраняя простой стиль, амбианс и определенные рифм поэзии Бернса. За это шотландцы должны быть благодарны ему. Но то, что совсем не нравится нам, это та иллюстрация, озаглавливающая поэму, которая, якобы, изображает наше народное блюдо!

...приложенный рисунок (хотя неискусный) послужит тем, чтобы ознакомить вас с настоящей благородной физиономией шотландского хаггиса!

Я надеюсь, что вы простите меня за то, что вы, может быть, сочтете невежливостью, и уверяю вас, что я нарушаю ваше душевное спокойствие только от естественного уважения к хаггису и из желания, чтобы по крайней мере один человек в Советском Союзе знал, как действительно выглядит «командир всех пудингов горячих мира»!

Дж. Мартин ВЕЙР».

Мы охотно публикуем выдержки из двух писем наших зарубежных читателей. Именно теперь улучшилось наше душевное состояние; мы рады, что нам удалось исправить допущенную ошибку и что все читатели журнала будут иметь правильное представление о шотландском народном блюде, воспетом великим Бернсом.

В этом номере на вкладках: две страницы рисунков бирманского художника Маунг-Су, две страницы рисунков В. С. Андреева и четыре страницы цветных фотографий.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 07217. Подп. к печ. 22/XII 1955 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 1037. Заказ № 3304. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Без пяти 12...

— Плагиат! Это моя мелодия!..

Всестороннее завнтие.

Клюнул.

Мама — елка.

— Люблю кататься!

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Цена номера 3 руб.